

Анатолий Гусев

16+

Обломки мифа
или "Мёртвые сраму не имут"

Удаль

Анатолий Гусев

**Обломки мифа, или
«Мёртвые сраму не имут»**

«Автор»

2018

Гусев А. А.

Обломки мифа, или «Мёртвые сраму не имут» / А. А. Гусев —
«Автор», 2018

ISBN 978-5-532-12108-9

Это повесть о Восточном (хазарском) походе киевского князя Святослава Игоревича. О путешествие в землю вятичей, где князь обрёл новых друзей и союзников, о битве с хазарами и взятие их городов. Также в этом походе закладываются причины дальнейших событий короткой, но яркой жизни князя Святослава Игоревича.

ISBN 978-5-532-12108-9

© Гусев А. А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Предисловие	6
Книга первая	8
Удаль	8
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	40
Глава 8	44
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анатолий Гусев
Обломки мифа, или
"Мёртвые сраму не имут"

*Там – мрак и гул. Обломки мифа.
Простор бескрайный, ковыли...
Глухой и мертвой хваткой скифа
Хватали зори край земли.
Н. Майоров.*

Предисловие

О киевском князе Святославе Игоревиче мы знаем крайне мало. Упоминаний о нём в летописях и прочих исторических документов наберётся страниц десять, максимум двадцать. И упоминания эти довольно таки путанные и противоречивы.

Мы не знаем точно, когда он родился – большинство склоняются к 942 году. Мы не знаем, были ли у него братья и сёстры. Мы не знаем, сколько лет было его отцу и его матери, когда он родился. Судя по их бурной деятельности в этот период – вряд ли больше сорока.

А первая запись о Святославе относится к 945 году. Его мать Ольга мстит древлянам за убийство мужа, князя Игоря. В летописи сказано, что именно Святослав начал бой с древлянами, сидя на коне, и был он в это время ещё дитя. И сколько лет было этому дитяти? Князей на коня сажают в три года. Наверное, судя по всему, столько и было Святославу в том году.

И что было дальше? Летопись сообщает под 964 годом:

«Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и быстрым был, словно пардус и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, – такими же были и все его воины. И посылал в иные земли со словами: «Иду на вы!»

И что же он делал 19 лет? Как он рос и мужал? Это мы не знаем. В приведённом выше описании, князь больше походит на степняка по своим повадкам, чем на славянина или скандинава.

«В 964 году Святослав «пошёл на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей».

И зачем шёл? Просто поздороваться? Или он на хазар пошёл в обход, через Оку и Волгу, но хазар предупредил: «Иду на вас». Зачем? Шёл бы напрямую через степь, хазары бы о нём и безо всяких слов узнали. Или «иные земли» к Хазарии не относятся?

Читаем далее:

«В лето 6473 (965) пошёл Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу ему со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и град их Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов.»

Когда была битва? Где? Какие города взял? Причём здесь ясы (осетины, они же аланы) и касоги (адыги, черкесы, абхазы)?

Ибн-Хаукаль сообщает:

«Булгар – город небольшой, нет в нём многочисленных округов, и был известен тем, что был портом для упомянутых выше государств, и опустошили его русы и пришли на Хазаран, Самандар и Итиль в году 358 (968/969) и отправились тотчас же после к стране Рум и Андалус ... И ал-Хазар- сторона, и есть в ней город, называемый Самандар, и он в пространстве между ней и Баб ал-Абвабом, и были в нём многочисленные сады..., но вот пришли русы, и не осталось в городе том ни винограда, ни изюма.»

Действительно, от Самандара (не далеко от сегодняшней Махачкалы) до Андалузии (Испании) каких-то жалких 4500 километров, если по прямой, до Рума, то есть Византии,

гораздо ближе. Почему бы не сгонять? Разграбили Хазарию и тут же отправились грабить Византию и Испанию.

Вот так начинаются мифы.

Кто-то утверждает, что Александр Македонский мальчишка по сравнению со Святославом Игоревичем. Русскому глазу приятно читать такие строки, а русскому уху слышать такие лестные слова. Хотя это утверждение довольно таки спорное. Как сравнивать? По годам, они были ровесники, это точно.

Другие говорят, что Святослав разбил хазар 3 июля 965 года. Откуда это взяли? Может быть они «лето 6473» прочитали наоборот: 3.7., то есть 3 июля. С другой стороны, если Святослав вышел откуда-то с Оки в конце апреля или в начале мая, до дельты Волги он добрался действительно примерно в июле.

Другой утверждает, что Святослав пошёл напрямки, верхом, сразу на город Итиль, через Саркел, разумеется. Выставляя по пути гарнизоны, что бы хазары не перерезали коммуникации. Какие коммуникации? Ему что? Патроны доставляли? Летопись утверждает, что он даже котла с собой не возил.

Легенды и мифы множились, наползали один на другой, человека было не видно. А мне захотелось увидеть человека. И я попытался это сделать. Как получилось, так и получилось. К обломкам мифа была добавлена фантазия, скреплено всё логикой и здравым смыслом и сложилась мозаика жизни человека.

Пусть это будет называться фэнтези, но с попыткой представить, как это было на самом деле.

Книга первая

Удаль

*Ветра шушат в высоких травах
И низко клониться ковыль
Когда про удаль Святослава
Ручей журчит степную быль.
Н. Майоров.*

Глава 1

Начало начал

Всего народов со схожим языком и обычаями, проживавших на Скандинавском полуострове или рядом с ним было семь: англы, юты, даны, руги, норманны, готландцы и свены. Англы и юты в союзе с саксами и фризами ещё в пятом веке завоевали Британские острова и обосновались там. Остальные, захватив освободившиеся земли англов и ютов, жили в мире и безвестности какое-то время.

Но всё когда-нибудь проходит.

Ругам отчаянно не везло. Небольшое племя с острова Руяна и близь лежащего побережья, вытеснили славяне – бодричи или ободриты, то есть живущие по реке Одра (будущий Одер). Племя ругов раскололось надвое. Часть из них прорвались сквозь земли славян на юг и расселились по среднему течению Дуная в бывшей римской провинции Норик и начали беспокоить набегами соседей. А другие ушли на восток и поселились на диком побережье Балтийского моря, которое они называли Восточным, между устьем реки Невы и Нарвы. Берега были безлюдные, если, конечно не считать рыбацкого племени ижора, исконных обитателей этих мест. Но, расселившись на такой огромной территории, они друг другу не мешали: ижоры ловили рыбу, а руги – проезжих купцов, идущими по пути «из варяг в греки» и обратно.

«Из варяг в греки» можно идти не только через Неву, но и через Даугаву. В результате деятельности ругов, через Неву ходить почти перестали. В общем, прибыли было не так много, как хотелось бы. Красных парусов ругов боялись в этой части Балтийского моря. И им пришлось уменьшить грабежи купцов, они стали просто брать плату за проход, как в Неву, так и в Даугаву. И за выход из них тоже.

Их звали – руги, ружи, руты, в зависимости от языка говорившего, что значить «красные». Так их прозвали за любовь ко всему красному: парусам, щитам, ножнам мечей, стрелам и красным плащам знати. Славяне слово «рут», а во множественном числе – «рутс», превратили в «русь».

В то время все оставшиеся в Скандинавии народы – и норманны, и даны, и свеи, и готландцы (*1. Предки норвежцев, датчан и шведов. Славяне всех скандинавов без разбору называли норманнами, выговаривая нурманы или мурманы.*) пытались где-нибудь закрепиться. Потому, что земли у них было мало, а народонаселение увеличивалось с каждым годом.

И скандинавы вышли в море. Была открыта и колонизирована Исландия, острова Северной Атлантики, захвачен север Франции и острова вокруг Шотландии, включая остров Мэн.

На Ижорской земле ругам грех было жаловаться – жилось там гораздо лучше, чем в Исландии или на каких-нибудь Оркнейских островах, где морским бродягам нечем было заняться, как только ловить треску и бить китов. Руги проникали всё дальше и дальше на восток, вглубь земли, пока не захватили южный берег Ладожского озера, образовав там гнездо речных пиратов. Не трогая поселения славян и чуди, как волки, что не режут овец вблизи своего логова, однодеревки русов устремлялись по рекам на юг. Мешая грабёж с торговлей, и торговлю с грабежом они доходили до берегов Персии, Малой Азии и, даже, до Крита и Кипра. Не брезговали и наёмничеством, как все скандинавы, продавая своё умение владеть оружием по сходной цене всем, кто готов был покупать, больше им продавать, по большому счёту, было не чего.

Наконец, одному из ярлов (*2. Высший титул в иерархии в средневековой Скандинавии, а также само сословие знати, первоначально означал племенного вождя.*) ругов, по имени Рюрик повезло – он захватил власть у соседей, в земле ильменских словен, в которую входили земли чуди и часть земель кривичей.

Завоеватели перенимали богов славян и говорить стали всё больше на славянском.

Язык ильменских словен был разительно похож на язык ободритов, который русы знали и до этого не плохо. Язык кривичей и других южных славянских земель был схож со словенским, хотя и имел незначительные отличия, например, кривичи «чепь» называли «цепь», а «чапля» у них была «цаплей», а вместо «цто», они говорили «что», но в целом понять их было можно.

Правил Рюрик из города Альдейгьуборг, на реке Волхов, недалеко от Ладожского озера. Коварные ильменские словене восстали и сожгли город, не захотев подчиняться пришлому завоевателю. Началась война, которая окончилась победой Рюрика. Скандинавы после победы основали у истоков Волхова, не далеко от озера Ильмень замок, что бы держать в страхе местное поданное население. Через несколько десятков лет, недалеко от этого места словене построили Новый город. Город Альдейгьуборг уже позже, когда русы сольются со славянами, назовут Ладогой, а ещё позже – Старой Ладогой.

У удачливого ярла нашлись последователи, которые подчинили всех кривичей, полочан и захватили на правом берегу Днепра сначала город Смоленск, а потом отбили у хазар, тоже на правом берегу, несколько укрепленных городков с общим названием Киев. В их руках оказался почти весь путь «из варяг в греки». А контролировать торговые потоки – мечта любого бандита. В Киеве в это время правили князья другого происхождения, другого языка, но сходным по звучанию названием и перевода – роксаланны, что значить «красные аланы». Ворон ворону глаз не выклюет, захватчики договорились, разделили сферу влияния, потеснили хазар и стали грабить местное славянское население, в смысле не то что б грабить, а ежегодно собирать с них дань. Их подданными стали поляне, радимиричи, дреговичи, северяне и древляне, которые то и дело пытались снять навешенное на них ярмо дани и их, то и дело, приходилось утихомиривать.

Старшему киевскому князю Игорю, по-скандинавски – конунгу (*3. Древнескандинавский термин для обозначения верховного правителя.*), не везло в личной жизни: он никак не мог родить сына. Ни от кого! Ни от жены, ни от наложниц. Рождались одни только девки. «Только у счастливых и сильных мужчин рождаются девочки!» – говорили викинги, но Игоря это не утешало. Дочки это, конечно хорошо, но нужен был сын, наследник. Нет, мальчики, конечно, рождались, но жили, самое большее, лет до пяти. Но Игорь упорно пытался сделать сына и со своими русинками и со славянками, чужинками и, даже, с негротянкой, которую ему привезли в подарок знакомые викинги откуда-то издалека, с юга. Но и она родила двух дочек и умерла толи от суровой киевской зимы, толи от тоски по своей жаркой Родине. Игорь подумал, что может быть оно и к лучшему, что родились только дочки от неё, потому что тёмнокожий конунг Руси как-то, наверное, не хорошо – белокурые викинги навряд ли бы ему доверяли. И когда Игорь уже смирился с тем, что у него не будет наследника, когда его года стремительно приближались к пятидесятилетию, под Плесковым (*4. Псков*), на реке Великой встретил девушку, дочь князя кривичей, мать которой была своя, русинка. Наставник Игоря Хельге, которого славяне прозвали Вещий Олег за умение предвидеть будущее, успел сосватать девушку за киевского князя перед своей неожиданной смертью.

Через год, перед походом Игоря на Царьград, они поженились.

Игорь никак не мог избавиться от сомнений – родиться ли у него от этой девушки сын, ведь, по сути, это была его последняя попытка и, главное, выживет ли он, родится ли крепким и здоровым?

Жрец пообещал помочь князю, сказав, что он попросит душу наставника Игоря Хельге, вселиться в младенца ещё в утробе матери и, таким образом, ребёнок родится мальчиком. Он совершил какой-то сложный и таинственный обряд, а что бы душа Вещего Олега не заблудилась по дороге и попала по назначению, он строго настрого приказал девушке забыть своё имя и называться теперь Хельга – Святая, и, пообещать богам, когда родиться сын, тоже назвать его Хельге, что значить Святой. Что и было обещано. И после не удачного похода на Царьград, дома Игоря ждало счастье – у княжеской четы родился сын, которого называли Хельге.

Но славянская прислуга стала называть его по своему – Святослав, что было почти точным переводом скандинавского имени на славянский. Счастливые мать и отец не возражали: богам было обещано назвать младенца Святым и это было выполнено, а на каком языке будет произноситься имя, в обещании не обговаривалось. Русы всё больше и больше не только говорили на славянском языке, но и думали на нём. Да и сама Ольга была наполовину славянка. Тем более что в славянском произношении имя звучало как Свенислав. В скандинавском звучании, как Свенилейф. Свени – по-славянски значить «святой», а Лейф – по-русски и по-норманнски означал «наследник». И вместе получалось – «Святой наследник». Прекрасная память о наставнике Игоря.

Злые языки утверждали, что такой крепкий младенец, вряд ли мог родиться от князя Игоря – уж очень стар, в сорок пять лет уж внуков должен нянчить, но люди Ольги сомневающимся влили в глотки расплавленный свинец и слухи прекратились. Все были искренне уверены, что Святослав это сын Игоря и Ольги.

Поход Игоря на Царьград не то что бы был не удачным, он был разгромным. Ушли три тысячи воинов, а вернулось только триста. Разгром русов греками или ромеями (*5. «Римляне» – так по-гречески сами себя называли жители Византийской империи: греки, армяне, капподакийцы, евреи и др.*) был полный – пошли за шерстью, вернулись стриженными.

Византийский флот рассёк флотилию Игоря надвое и стал поливать её «жидким» или «греческим» огнём. Русы об этом огне, только слышали, а на себе испытали его действия впервые. Паника была страшная! Спасения не было нигде – смесь горела и на воде. Воины прыгали в море, предпочитая утонуть, чем заживо сгореть. За всей этой суетой, Игорь не заметил, что стало со второй половиной его войска, и решил, что их тоже пожги ромеи. В Киев он вернулся на восьми лодках-однодеревках или моносилах, как их называли греки.

Узнав об этом, в Киеве поднялся ропот. Викинги говорили, что от конунга отвернулась удача, а это было серьёзное обвинение. Радость рождения наследника померкла. Игоря обвиняли в трусости. Хельга, а славяне выговаривали Ольга, потребовала от мужа развод и город Вышгород в кормление, город ничем не уступающий Киеву и княжеское слово, что Святослав унаследует Игорю. Игорь сначала было заартачился, но потом представил, как хмурят брови братья Ольги, князья кривичей и согласился. И все знатные люди Киева с этим были согласны, ссорится с кривичами, самым крупным племенем восточных славян никто не захотел, дань Киеву платят и ладно. Платят, правда, не регулярно, а только тогда, когда надо от кого-то отбиться и киевлян приглашали поучаствовать. И, всё равно, это было выгодно.

Русский конунг Киева горевал о расставании с женой не долго, очень быстро женился на девице, которая родила ему второго сына.

Со вторым сыном повезло не очень, мальчик родился довольно таки хилым. Что он точно от Игоря никто не сомневался. Назвали его по-скандинавски – Гутлейф, что значить «Наследник бога». Русский и скандинавские языки были похожи. Славянского имени со схожим значением не нашлось и мальчика стали называть то Улефом, то Глебом, как кому нравилось.

Узнав о втором сыне Игоря Ольга тигрицей металась в своём тереме в Вышгороде. Но сделать ничего было нельзя. Или почти нельзя. Вторая жена Игоря скоропостижно скончалась. Глеба убить не удалось. Вскоре бывшие супруги помирились, но Вышгород Ольга оставила за собой, на всякий случай – мало ли что. Сироту Гутлейфа княгиня приютила у себя, пусть мальчик растёт под присмотром, так надёжней.

В год рождения второго сына, осенью, Игорь узнал, что угры ходили к Царьграду и довольно таки успешно. И он решил на следующий год ещё раз испытать судьбу.

Весной следующего года моносилы русов, варягов, полян, кривичей, ильменских словен вынырнули из устья Днепра и устремились к устью Дуная, где их уже ждали греки на огненосных кораблях. Игорь вспомнил, как он сидел в деревянной лодке, вокруг горело море, а

не далеко стояли такие же корабли, извергая пламя из бронзовых труб (греки их называли сифоны) и воевать ему как-то сразу расхотелось.

Греки встретили скифов – так они называли северных варваров – и их вождя более чем радушно: сразу же предложили золото, ткани и вина в обмен на заключение договора. Бояре и дружина сказали: «Что ж не воевали, а добычу получили. Можно и договор заключить».

Начались нудные переговоры, а за стенками шатра, угадывалось по звукам лагеря, что дружина уже распечатала кувшины с вином. Игорю хотелось, что бы эти переговоры быстрее кончились, и он бы ушёл в Киев, а иначе он за свою пьяную дружину не ручается, с каждым часом она становится всё более и более не управляема. Наконец договор был подписан, и весёлая дружина погребла к Днепру. Огненосные корабли греков сопровождали их вплоть до устья, периодически передавая на чёлны руссов кувшины с вином.

На острове Белый или Буян, а по-гречески остров святого Эвферия, оказалось, что хитроумные и лживые греки дань дали довольно таки скромную. Дружина была возмущена: «Мы, что так далеко ходили, что бы только вина выпить?» А договор был такой, что создавалось впечатление, что русы грекам очень здорово проиграли. Согласно этому договору в греческие земли без грамоты от князя русского купцам и появляться нельзя, а жить там, где греки скажут. А если кочевники, чёрные болгары, нападут на Корсунь – по-гречески Херсонес, то русам предписано защищать греков от них. Но, в тоже время, русам нельзя строить укрепления ни с западной стороны моря ни с восточной. И отбить у хазар Корчев, который они захватили в прошлом году, то же нельзя. А главное – ни на этом острове, ни в любом другом месте на Белобережье русам зимовать нельзя! Это значило, что на торговлю или грабёж побережья Чёрного моря (тогда оно называлось Русским) всего было два месяца, то есть до середины лета. Потом Днепр мелеет и однодеревки придётся сто вёрст тащить на себе или ждать осень, в надежде, что она будет дождливой и лодки, предварительно разгрузив, можно будет провести через пороги, не вынимая их из воды. Оставшимся зимовать на Белобережье русам греки грозили различными карами вплоть до смерти или продажи в рабство. В общем, дружина посчитала договор унижительным. Но делать нечего, он был подписан их князем. Игорь скромно умолчал, что про грамоты купцам – это его мысль. Понятно, что такие грамоты бесплатно не выдаются. Купцы не обеднеют, а казну пополнять надо.

У порогов встретили войско печенегов, что собралось в набег на Болгарию. Первоначально они собирались пойти по пути угров до Константинополя, но греки привезли дары не малые всеобщему хану кочевников и он решил в Византий не ходить. Но войско-то уже собранно! Не распускать же его! И вот решили идти в Болгарию. Русам предложили поучаствовать. Большая часть их, кто умел держаться в седле, с радостью согласилась. Лошади были любезно предоставлены ханом печенегов, в долг, разумеется.

Игорь возвратился в Киев. К зиме вернулись довольные участники болгарского похода.

Через год неожиданно появился Свенельд с остатками дружины Игоря. Оказалось, что они не погибли тогда под стенами Константинополя, в проливе Босфор, а спаслись. Приняли ещё один бой, выжили и после него. Дошли до Корчева, где-то перезимовали. На следующий год ветер приключений из Чёрного моря, через Синее море(6. *Азовское море*), через реки Кубань и Терек занёс их в Гирканское(7.*Каспийское море*), оно же Хазарское море, к городу Дербенту(8. *Современный город был основан в 438 году н. э. как персидская крепость, состоящая из расположенной на холме цитадели (Нарын-кала) и двух идущих от неё к морю каменных стен, которые запирали узкий (3 км) проход между морем и горами Кавказа и ограждали с севера и юга территорию города*). По пути к ним присоединились ясы и лезги. Город взять не удалось, но окрестности были ограблены дочиста. На этом русы не успокоились, захватив в гавани Дербента лодки, они подались южнее, вошли в реку Кура, поднялись по ней и захватили богатейший город Бердаа, славившимся своим производством шёлка. Около года горстка русов удерживала и грабила город и окрестности доставляя массу

неприятностей местным мусульманам. И если бы не эпидемия, подхваченная ими во время набега на город Мераге, это всё могло продолжаться и дольше и неизвестно, чем бы кончилось. Болезнь помешала. Пришлось оставить благословенный край и возвращаться на родину. Все ярлы и воеводы викингов и русов погибли, выжил один Свенельд, удача, явно была на его стороне. В Киев вернулось чуть меньше пятсот человек, но вернулись богатейшими людьми, все в шелках, в золоте и с черноволосыми южными красавицами. При этом они говорили, что половину богатств, включая красавиц, пришлось оставить в хазарском городе Итиле, как плату за беспрепятственное прохождение через хазарские земли домой.

Дружинники Игоря очень сильно завидовали дружинникам воеводы Свенельда. Игорю, что бы сохранить свой авторитет и не получить смертельный удар кинжалом где-нибудь в тёмном переходе княжеского терема, надо было срочно добыть богатство не так для себя, как для дружины, другими словами, попросту кого-нибудь ограбить. Но кого? На юге шли непрерывные войны с племенем уличи. Из-за этих войн там и грабить-то было нечего. К тому же в лесостепи надо воевать на лошадях, а руссы воевали на своих ногах, а передвигались на лодках. На востоке по реке Десне, Сейму и Донцу жили северяне. Но эти потомки степняков и славян сами кого хочешь, ограбят! Остались древляне. Земля их процветала. Они не учувствовали в походах на греков. Там было, чего взять!

И осенью, пока не замёрзли реки, челны Игоря вошли в древлянскую реку Припять. Но дружинников Игоря было очень мало, а древляне были сильны и дань по второму разу платить не хотели. Под столицей древлян, города Искоростень на реке Уж произошла последняя битва Игоря. Самого Игоря взяли в плен. И в священной роще, древляне, не смотря на возражения их князя Мала, пригнули две берёзы к земле, привязали ноги князя к верхушкам и отпустили. Берёзы выпрямились и разорвали тело Игоря.

Если бы князь умер, как викинг, с мечом в руке, его вдова Ольга удовлетворилась бы вирой – выкупом за смерть мужа. Но его принесли в жертву богам. Суровый обычай викингов повелевал сыновьям отомстить за отца. Святославу тогда было всего три года, а Глебу не было и года, и, отомстить за Игоря древлянам, от имени своего сына, взялась сама Ольга. Собрав войско, на следующее лето, она двинулась в землю древлян.

Честь открыть сражение, по обычаю, поручили маленькому Святославу. Его посадили на лошадь, что бы всё войско его видело. Русь и викинги, как обычно, пришли драться пешими.

Святослав бросил своё маленькое детское копье в сторону врага. Копье далеко не улетело. Оно воткнулось в землю перед мордой коня и, не удержавшись, упало и ударило коню по ногам. Конь встал на дыбы. Насмерть испуганный маленький князь русов всё же удержался в седле.

Воевода Свенельд, а по-славянски Световид, тогда уже умудрённый годами тридцатилетний муж, посмотрел на своего ровесника и друга, пестуна Святослава Асмуда и громко сказал, обращаясь к дружине:

– Князь начал! Вперёд!

Древляне были разгромлены. Князь древлян Мал и вельможи древлян были захвачены в плен, а затем убиты. Оставили в живых только двухлетнюю дочь князя и его пятилетний сын, которых не знали, как звать, потому, что их нянек сначала изнасиловали, а потом продали хазарским купцам и спросить, как зовут детей, как-то не догадались. Девочку назвали по отцу – Малушей, а крепыша-мальчишку Добрыней. Княгиня Ольга, издеваясь над древлянским князем, что бы его унизить перед смертью, пообещала ему, что заставит его дочь, когда она подрастёт, выносить её ночной горшок с дерьмом. И своё обещание выполнила.

Перед казнью князь Мал перекрестил ладонью Ольгу и сказал:

– Прости ей, господи, ибо не ведает, что творит.

А перед тем как две берёзы разорвали тело князя, он успел сам перекреститься и сказать:

– Прими, господи, душу раба твоего Никиты.

– Что он делает? – спросила Ольга древлянских бояр.

– Обращается к Богу немцев, – ответили ей древлянские мужи. – Мы проиграли тебе, княгиня, потому, что наш князь Мал отверг своих богов и поверил в Бога немцев. Наши боги отомстили ему.

Вельмож древлян сожгли заживо в бане.

Глава 2

Мать и сын

Шли годы, дети росли в Вышгороде, княгиня обустроивала землю Русскую. Она не ездила, как раньше князья всю зиму и собирали дань. Да и не возможно было за одну зиму объехать всю землю русскую. Теперь все данники в определённые места – погосты – свозили дань, заранее обговоренную, а доверенные люди Ольги забирали её оттуда и отвозили в Киев или другие места согласно повелениям госпожи своей. Ольга запомнила и извлекла урок из того, что случилось с её мужем Игорем. Она не хотела такого же для себя, да и считала, что древляне по-своему были правы – нельзя дважды собирать дань с одних и тех же в один год – но об этом она молчала, ибо в таком случае её действия ставились под сомнения. А она была права – месть за мужа, это святое. Да и племя древлянское поутихло, узнало своё место.

А сыновья, родной и приёмный, тем временем росли. Святослав рос спокойным, жизнерадостным, сильным и очень своенравным. Глеб, наоборот, был застенчивым, тихим, тоже спокойным, но спокойствие его было какое-то мрачное. Братья друг друга не любили, уж очень они были разными.

В это время на западе ослабело после братской междоусобицы, и погибало славянское государство Великая Моравия. Её терзали набегами и отхватывали от неё куски венгры, чехи, поляки, немцы.

К Ольге в Вышгород прибыл из Моравии знатный вельможа по имени Илья с чадами и домочадцами и с не малой дружиной, принёс ей присягу служить верой и правдой.

Тысяча копий! Тысяча воинов закованных в броню! Ей от мужа досталось только триста. У Свинельда четыреста пятьдесят дружинников и приходилось с ним считаться, заискивать перед ним. Ей великой княгини киевской! А теперь у неё одной – тысяча триста! И есть теперь, кому в походы воинов водить.

Моравская дружина позволила княгине в кулак зажать киевскую знать и руководить державой твёрдой, не по-женски, рукой. Все прибывшие моравы были христиане византийского толка.

В князя моравского Илью она влюбилась. Пылко и страстно – всей не растроченной женской любовью. Мужа своего Игоря она не любила. Нет. Отомстила за него согласно обычаю. Отомстила жестоко. Но это необходимость, что бы другим неповадно было. А иначе как землю в покорности удержать?

Её не смутило, что у Ильи Моравского были жена и дети. Главное, что он был ей ровня. Впрочем, жена князя как-то быстро скончалась, уступив тем самым место киевской княгине.

Моравского князя смущало язычество его сиятельной подруги и он стал склонять княгиню принять христианское учение. Он говорил, что присоединить Моравию к Руси может только христианский государь, а удержать земли может только единая вера в Господа. Сначала Ольга отмахивалась, но потом стала прислушиваться.

Много на Руси было племён и народов. И удерживались они вместе только сильной княжеской властью. Какие бы справедливые законы и устроения не внедряла в своей земле вдовствующая княгиня Ольга, всё равно чего-то не хватало. Не было объединяющей силы, что удерживало бы, как удерживает соломенная верёвка в снопе жита все колоски, все народы в едином государстве. Все подчинённые земли связывало только одно: необходимость платить дань княжеской верхушки и получать за это княжеский суд и защиту. Но это всё равно, что сноп удерживать руками. Долго ли так протянешь?

Однажды в Киеве, Ольга зашла из любопытства в христианскую церковь святого пророка Илии, построенную Ильёй Моравским (поляне говорили Моравич, а по словенскому северному говору, на котором говорили русы – Муравец) в честь своего небесного покровителя. Раз-

говорила со священником-греком по имени Григорий. И он открыл ей истину: перед настоящим богом нет «ни эллина, ни иудея», а, значить, нет ни древлян, ни кривичей, ни полян, ни меря, ни русов. В Византии ещё больше народов и племён, но все равны и едины перед Господом и перед басилевсом – божественным императоре ромеев. Ольга с удивлением узнала, что бог ромеев, немцев и моравов один и тот же бог.

– А я думала – разный.

– Нет. Один, – ответил Григорий. – Люди исказили завет Бога, ибо греховна душа людская. Хотят люди власти и богатства. И Западная Церковь хочет не только власти над душами людскими, но хочет властвовать и над телами! Но Церковь едина!

– И какие же заветы твоего Бога?

– Всего два. Первый: возлюби Бога своего больше, чем себя самого всей душой своей и всем сердцем. И второй: возлюби ближних своих как себя самого.

– Как же это возможно?

– Возможно! И на смерть и муку крестную ради Бога пойти. И ходили, ибо Бога возлюбили более чем себя. И потому святые! И людей, которые вокруг тебя возлюбить надо, как саму себя. И врагов наипаче!

– Врагов?

– И врагов. И тогда воссияет свет правой веры на земле Русской!

– И как же сделать так, что бы он воссиял?

– Собственным примером, мудростью и добродетелью.

– Не очень-то я любила врагов своих. Убила скольких! И презестоко!

– Грехи язычницы Ольги смоем святое крещение. Будешь аки младенец сущий: чиста и невинна.

Княгине было над чем задуматься.

Чтобы во что-то поверить, надо пройти сквозь сомнения. И княгиня Ольга шла через них, как сквозь колючие кусты.

– Вот священник вашего Бога Григорий говорит, что люди хотят власти и богатства. Там на твоей родине у тебя отобрали власть и богатство. А здесь дали.

Илья Муравец задумался, потом заговорил медленно:

– Власть и богатство нам даётся от Господа не просто так. И отбирается не просто так. Значить Господу было угодно, что бы я защищал Русь, а не Моравию. Оружие стоит дорого, поэтому и богатство надо. Но надо учесть, что одним только оружием землю удержать трудно. Земля должна удерживаться справедливой властью и общей верой.

И вскоре она крестилась. И тайно обвенчалась с Ильёй Муравцем. Явно княгиня Ольга не хотела. А иначе, зачем ей, княжне племени кривичи Прекрасе, переименованной в Ольгу, было тратить столько сил, крови и слёз, зачем нужна была эта борьба за власть, неужели только затем, что бы отдать её чужому, пусть и любимому мужчине? Власть она отдавать не хотела никому, даже сыну Святославу.

Богатая Восточная Моравия стала землёй зависимой от Киева, а рабыня Малуша – ключницей (*9. Ключник (ключница), по "Русской Правде" то же, что тиун, полный холоп, но вместе с тем первый человек в домашнем хозяйстве господина, управляющий.*) княгиня выполняла завет нового Бога – «возлюби врага своего». Это всё, что она могла пока дать христианскому Богу. Но постепенно, беседы с Ильёй и священником Григорием, чтение греческих богословских книг, приводили её к мысли, что Бог есть и он один, а остальные славянские боги, по сути языческие истуканы.

Присоединение части Моравии Святославу понравилось, а вот в церкви во время крещения матери – нет: и духота от горевших свечей в церкви, и мать, ходившая при народе в одной тонкой сорочке, простоволосая... И ещё что-то не понятное, тёмное пугало его в полумраке церкви. Не приняла душа его церковные обряды. А Глебу, наоборот, понравилось – он

как зачарованный смотрел на церковное действие. Всё его там завораживало: и золото икон, и дрожащие пламя свечей, и многоголосое пение. Его тоже вскоре окрестили.

Глеб рос в семье княгини, как трава – растёт и ладно. И вырос он длинным и не складным. Любил стоять службы в церкви. Стоял целыми днями – и не сказать, что ничего не делает! И книги он толком не читал и к оружию был равнодушен, хотя владеть им умел.

Святослав же книги читал, но готовил себя к воинской жизни под руководством Асмуда. Единственное, что – не любил он лошадей. А так мог грести без усталости, спать на земле в любую погоду, подстелив войлок, и завернувшись в плащ, и в еде был не прихотлив. И, естественно, прекрасно владел мечом, топором и всеми другими видами оружия, хорошо стрелял в цель из лука и метко бросал копье. Движения его были мягкие, кошачьи. Одевался он скромно. Ходил в белых льняных портках и рубаше, перепоясывался красивым дорогим ремнём, на котором висел нож в ножнах. На ногах носил кожаные поршни или черевья на босу ногу, только зимой наматывал шерстяные портянки. На голову надевал шапку-подшлемник из меха волка, из-под которой выбивались длинные русые волосы. Возмужав, стал брить бороду по обычаю русов и данов и никогда не брил усы и, даже, не укорачивал их. Курносый его нос и вообще всё лицо его выдавало задиристый характер молодого киевского князя.

Когда Святославу исполнилось пятнадцать лет, мать взяла его с собой к ромеям. В Царьграде ему не понравилось – слишком всё величаво у греков, а он любил простоту. Пышные императорские приёмы утомительны, радовали только подарки. Мощь императорских войск устрашала, но он знал, что русы их били и не раз.

Святослав не любил проигрывать, никогда и никому, но не любил и когда ему намеренно поддавались и вообще не любил, когда его жалели. Он был среднего роста, широк в плечах и, всегда, занимаясь боевой подготовкой, выбирал напарника, выше себя ростом, оттачивая навыки борьбы с превосходящим по силе и росту противником. Проигрывал, злился, но упрямо добивался своего, без каких-либо для себя поблажек.

Мать, княгиня Ольга, завела как-то разговор о крещении.

– Зачем? – удивился Святослав. – Зачем мне креститься? Мне и так хорошо! У меня почти вся дружина не крещённая. Хорош, я буду один среди них с крестом на шее. Вот смеху будет! А ярлы? Может быть, они и пришли ко мне, что бы у себя там, в Скандинавии не креститься. Там их конунги тоже окрестить всех норовят.

– Что ж в этом плохого?

– Этого не знаю. Но, предавать своих богов они не хотят. Значить и меня не предадут.

– Но нанимаются же они к басилевсам цареградским? К христианским правителям!

– Да! Но при этом, никогда им не доверяют! И убить могут, если им кто-нибудь хорошо заплатит. Ты мне такого хочешь? Сейчас мне моя варяжская дружина доверяет. И я ей тоже!

– Мечом можно завоевать землю, но удержать мечом не получится!

– Почему? Ты, мать, женщина и мужских дел не понимаешь! И слова эти не твои!

– Пусть так! – стояла на своём княгиня. – Я крестилась, и часть Моравии стала нашей!

– Прекрасно! Но всё остальное завоёвано мечом! И мечом же, удерживается!

– Да, но земля богатеет торговлей! Если богаты купцы в стране, то и князь той земли богат! Всё держится на торговле! Смерд сеет больше, что бы излишек продать и купить что-либо. Не будет торговли, князья нищими будут. А купцы иностранные в Византии, в Болгарии или других странах на Западе доверяют больше и льготы дают тоже больше, своим, крещёным. Какой мы с тобой выгодный договор с греками заключили! А всё потому, что я крестилась! Знаешь сколько в нашей земле купцов крещёных?

– Мне что за дело? – хмурил князь белёсые брови.

– А то, что верой в единого Бога и разбогатеешь и землю в одном кулаке удержишь!

– Без меча и без дружины, всё одно не удержишь! И князья будут нищими, если в походы ходить не будут.

– Так и будешь бегать вокруг своей земли с мечом, как пастух возле стада, а скотина всё равно разбредаться будет. А надо, что бы сама возле себя держалась. Надо что бы любили тебя. Что бы быть великим надо быть сильным, но не страшным ...

– Как сказали индейские мудрецы Александру Македонскому. Давай, мать, я ещё в церкви стоять буду! Как Глебушка!

Губы молодого князя кривились в презрительной улыбке.

Княгиня выпрямилась, расправила плечи и назидательно сказала:

– Я денно и ночью молюсь, сын, чтобы вложил тебе Бог в сердце желание обратиться к нему, что даровал он мне. Да будет на то Божья воля, если захочет Бог, то помилует род мой и Русь нашу, то приведёт тебя к христианской вере!

– Если он есть и сильнее наших богов, то приведёт. Если захочет.

– Но ты и сам должен стремиться к этому. Ибо сказал Господь: « Не изгоню того прочь, кто приходит ко мне».

– Я, мать, никому ничего не должен! И слова то не твои, чужие.

Княгиня поняла, что сын упёрся и ни какими силами его не своротишь. Подумалось, что надо женить мальчика, ему уж шестнадцатый годок идёт, и, если найти жену христианку, то, может быть, ночная кукушка перекукует и обратит в свою веру, и, по крайней мере, сын хоть на земле спать не будет. Но оказалось, что Святослав спит не только на земле, но и в постели, и, разумеется, не один. Как-то в переходах матеиноного терема он встретил ключницу Малушу, ну и ... В общем, завет христианского Бога, Бога его матери «возлюби врага своего» Святослав воспринял буквально.

Святослава женили на знатной славянке – христианке по имени Вера. Родился сын Ярополк. У Малуши на несколько месяцев раньше тоже родился сын, которого назвали Владимир. Раба, родившая от господина, согласно обычаю, перестаёт быть рабой. Сына от первой своей женщины Святослав признал и матери наказал того же. Ольга смирилась, но сказала, что укоротит на голову всякого, кто скажет, что сын ключницы и бывшей рабыни старше законного сына Святослава Ярополка. Впрочем, для неё они оба, как и третий родившийся сын от жены Святослава Олег, были рождены вне христианского брака, а, значить, все трое незаконнорожденные, но двое родились хотя бы от христианки. Для подданных старшими были Ярополк и Олег, а Владимир считался младшим. Это давало надежду, что никогда на Руси не будет править, потомок древлянского князя Мала!

Всех троих сыновей Святослава окрестили. Он не возражал, ему было всё равно.

Глава 3

На вятичей

Лодки – однодеревки разделились: княгини Ольги продолжали движение вверх по течению в Вышгород, а князя Святослава свернули направо, пересекли Днепр и вошли в Десну. Пройдя немного, сгруппировались все пятьдесят вместе. Два петуха, белый и чёрный, были торжественно утоплены. Это была жертва духу реки, чтобы пропустил без помех.

Душа двадцатидвухлетнего киевского князя пела. Святослав, сам-воевода шёл в свой первый самостоятельный поход, без отцовского воеводы Свенельда или другого какого воеводы. До этого он ходил два раза в поход на уличей и тиверцев, учился воевать на лошади. Науку он эту освоил, преодолел свой детский страх перед лошадью, но лошадей так и не любил. Хотя детей своих, как велел княжеский роксаланский обычай, посадил в три года на коня. Потом ушёл за моря, учился самостоятельно управлять людьми. Его три дракара (*10. Боевая ладья скандинавских народов (викингов). Размеры дракаров колебались от 35 до 60 метров. Команда до 150 человек.*) три лета бороздили Балтийское и Северное море, грабили прибрежные города ободритов, немцев, англов и франков. Конечно же, он был не один, а в союзе с другими ярлами. Что он мог сделать один? На его дракарах было всего двести пятьдесят человек.

А вот теперь он шёл с двумя тысячами воинов! И каких воинов! Тысяча только викингов и ещё пятьсот русов. Остальные были местные славяне и чудь.

Викинги были в основном даны, много было и свеев, были и норманны и даже исландцы. Вон их ярл Сумарл Бджоргсен по прозвищу Исландец идёт на головном монокиле, челне-однодеревки. Свои дракары викинги оставили под горою у Киева, под присмотром Свенельда и его дружины. Дракар хорош на море и крупных реках, а на небольших речках, по которым им придётся ходить, удобней всё же однодеревки. Они, конечно, тоже не маленькие, но, всё же в три раза меньше, чем дракар.

Сумарл-ярл Исландец идёт первым, потому что он имеет богатый опыт походов в неизвестные земли. А земля вятичей, куда сейчас направляются войны Святослава, была именно землёй неизвестной. Викинги этой дорогой не ходили. Это дорога не воинов, это дорога купцов. Один из купцов и шёл с ними проводником.

Сумарл родился на западе Исландии, где в хорошую погоду далеко на горизонте просматривались далёкие белые горы. И, набрав команду, он туда сходил. Оказалось, что там ничего интересного нет. Привёз моржовые клыки и шкуру белого медведя. Такой шкуры не было ни у кого в Европе, но команда была не довольна. Пришлось идти грабить Ирландию. Ходил он торговать далеко на восток в Биармию (*11. Располагалась на территории современной Архангельской области, в бассейне Северной Двины, она же Бьярмаланд. Бьярмы – предки коми*). Ходил и далеко на юг, в страну Чёрных людей. Возвращаясь, попал в шторм, оказался далеко на западе. Нащупал морское течение и шёл по нему на север вдоль неизвестной западной земли, населённой краснокожими людьми. К неописуемому удивлению Сумарла течение доставила его к берегам родной Исландии. Но они пошли совершенно пустыми, без добычи. Всё, что они награбили или выменяли в Земле Чёрных людей, пришлось поменять на еду в Земле Красных людей. Стыдно было возвращаться нищими, без добычи. А тут как назло норманнский тяжелогруженный снеккар (*12. Другой тип военных судов викингов, имели меньший размер и меньшую команду (до 60 человек)*) куда-то шёл. Сумарл ограбил его, не задумываясь, и спокойно пошёл домой. Но тут появились дракары и снеккары норманнов. Пришлось срочно бежать, два дракара Сумарла летели как ласточки, аж до самого Киева. Так он и его сто семьдесят человек оказались на реке Десне в войске Святослава.

За четырьмя ладьями Сумарла Исландца, шли собственно ладьи Святослава с его пяти сотнями русов, возглавляемые Икмором и Фарлафом. Кроме того, Икмор был правой рукой Святослава. В войске все были мужчины крепкие, но Икмор превосходил всех и ростом и могучим телом. Фарлаф, мужчина лет сорока, руководил сотней ильменских словен и чуди и сам он был чудин, хотя и носил русское имя и часто ходил в походы с русами. В его ведении были стоянки, именно он распоряжался куда, в какое место кому встать.

Потом опять шли одноподеревки викингов. У Воланда-ярла Брэндтсена, из Дании больше всего воинов – почти триста восемьдесят. За ним Халлдор-ярл Стейнсен, свей – двести десять человек, норманн Сверр-ярл Витаррсен вёл сто девяносто воинов, и у свей Ари Снорсена было шестьдесят человек – больше отец ему брать не позволил.

Всех их, кроме Сверра, Святослав знал по прошлым походам. У отца Ари Снора-ярла он и Халлдор нашли приют и защиту, когда за ними гнались ободриты. Ари и Халлдор прошлой осенью сами пришли служить конунгу Киева. Сверр возвращался из Царьграда, да загостился у гостеприимного Святослава и потом решил пойти с ним в поход. Воланда Святослав знал по походу на франков. Он появился в Киеве прошлой осенью почти по той же причине, что и Сумарл Исландец. Имя Воланд означает «Земля Войны» или «Поле Битвы» и он оправдывает своё имя, находя это поле битвы где угодно. И вот на севере Англии, ограбив какой-то монастырь вместе с каким-то норманнским ярлом, он с этим ярлом не смог поделить добычу по справедливости. Бой начался прямо под стенами монастыря. Команда норманна была разбита, вся добыча присвоена. Воланд спокойно ушёл к себе в Данию. Но конунг норманнов Харальд Серая Шкура пожаловался на него конунгу Дании Харальду Синезубому. Конунг Дании недавно крестился и намеревался всю Данию сделать христианской, и его возмутил этот грабёж монастыря язычником Воландом, и, главное, что он ни с кем не поделился. И Харальд Синезубый решил выдать ярла Воланда конунгу Норвегии, а имущество ярла забрать в свою пользу, частично, конечно, возместив ущерб норманнам и, решив, что ничего страшного не произойдёт, если один язычник убьёт другого язычника. Но Воланда вовремя предупредили, и он, забрав своих людей и всё ценное, что могло уместиться на драккарах, решил переселиться на Русь. Конунгу Дании достались лишь пустые дома ярла и его людей.

Замыкали шествие сто двадцать человек киевлян и прочих охочих людей различных племён и народов. Подчинялись они пока Фарлафу. Святослав надеялся выделить из их среды вождя по ходу движения.

Почти все они, и воеводы и воины были молоды. Из воевод самым старым был Сумарл Исландец, ему было тридцать четыре года, а самым молодым – Ари, ему всего восемнадцать.

Вёл их Святослав по пути из Киева к вятичам, с тайной целью набрать союзников и напасть с тыла, внезапно на Хазарию.

Прошлой осенью княгиня Ольга пришла на мужскую половину терема, в горницу своего сына Святослава. Святослав сидел на лавке у окна, давил лесные орехи пальцами, освобождая ядро от скорлупы, и играл сам с собой в шахматы, но встал, когда вошла мать.

– Сын мой, – сказала княгиня, – можешь ли ты меня выслушать?

– Могу, – сказал Святослав, сел на лавку и передвинул белую пешку.

Шахматы были сделаны из каких-то полудрагоценных камней, а доска из ценных пород деревьев, не растущих на Руси. Шахматы были из Персии, и их князю подарил Свенельд очень давно и он же и научил играть. Игра Святославу нравилась. Это игра для настоящих мужчин, игра для воинов – на доске происходило небольшое сражение.

Святославу нравилось не только воевать, но и учиться. Он знал несколько языков. Кроме своего родного русского, который был схож со скандинавскими языками, он знал, естественно, славянский язык племени полян, который, в свою очередь, мало отличался от языка уличей, древлян, дреговичей или северян. Знал он греческий язык и умел писать на нём. Конечно и у скандинавов и у славян была своя письменность, значки, которые передавали звуки языка,

но греческий, это язык ромеев, язык знати. Знал он так же язык печенегов и мог объясниться на языке угров (*13. Венгры*).

– Управлять государством, Святослав, – сказала Ольга, – это не только махать мечом и водить полки в битву.

Святослав с жалостью посмотрел тёмно-синими глазами на свою старенькую матушку, княгине было уже за сорок, хотя седых волос в тёмно-русых волосах не было заметно, и стан её был гибким и стройным. Впрочем, волосы своей матери он видел только один раз в церкви, когда её крестили.

– И к чему такие речи? – спросил Святослав, сейчас он играл за чёрных.

Ольга подошла ближе:

– К тому, что хватит бродить за морями по чужим землям! Пора и о своей побеспокоиться.

– Что о ней беспокоиться? – он взял из берестяного короба орешек, раздавил его, ядрышко кинул в рот, а скорлупу в глиняную миску. – Ей что-то угрожает?

– Угрожает твоё безразличие к Русской земле! Я, слабая женщина, езжу по всей земле, навожу порядок. А ты забавляешься со своими викингами.

– Мужчина, – пожал плечами Святослав и передвинул белую шахматную фигурку, – строит дом, женщина наводит в нём порядок.

– И я навела! – и она передвинула чёрную фигурку. – Теперь не надо ездить по землям и мечом выжимать дань. Сами данники по договору привозят дань в определённые места, на погосты. И налоги все справедливые! Ни купец, ни ремесленник не обижены! А купец ...

– Я помню. На купцах держится государство.

– На торговле.

– Это всё равно.

– Да нет же! Гончар делает горшок на продажу. Он же не ест обожжённую глину.

– Согласен.

– Я радею о купцах. Договор, что мы тогда с тобой заключили в Царьграде – выгоден. Русь богатеет. И благодаря моим трудам ты можешь отлучаться за моря и ходить на охоту.

Надо сказать, что Святослав именно ходил на охоту. Всю зиму Святослав и ярлы развлекались охотой. Охотились как викинги – ходили на лыжах, вызывая симпатии у местного славянского населения. Славяне тоже зимой передвигались на лыжах. Только охотились не ради удовольствия и показа собственной удали, а в силу экономической необходимости, в целях улучшения материального благополучия. Другими словами, если дочери какого-нибудь смерда понадобились золотые серьги, то тятенька её шёл на лыжах в лес и ставил силки и капканы на птиц, и другую мелкую живность, для того, что бы потом продать добычу на торгу и купить серьги или что ещё. Или брал рогатину и валил крупную дичь с той же целью. Благо, что в лесах под Киевом всякого зверя хватало – лоси, олени, кабаны, лесные лошади, зубры, медведи. Всё зависело от силы, храбрости и умения охотника. Кроме того – зачем мучатся со скотиной, когда можно было пойти в лес и завалить какого-нибудь лося или зубра? Мясо дикого животного от домашнего мало чем отличается. А хлопот меньше!

На лошадях ездила знать из славян и роксаланов. Лошадь в те времена, была дорогим удовольствием. Её надо было кормить, ухаживать за ней. Причём кормить надо было овсом, потому, что он меньше места занимает чем стога сена и более питателен для лошади, то есть делает её сильнее. Овёс, прежде чем скормить его коню, надо посеять и вырастить, собрать. И сено надо для подстилки. А нужна лошадь, только для того, чтобы на ней ездить. Тонконового скакуна в телегу не запряжёшь и пахать на нём не будешь. Пахали и запрягали в телеги быков. Когда бык состарится, его можно было зарезать и съесть или отнести на рынок и там продать, выдавая его за свежубитого тура. А вот лошадей славяне не ели. Но если у тебя есть средства для покупки и содержания коня, то где же его ещё показать, похвастаться им, как не на охоте. Но Святослав был викинг и охотился пешком.

– Благодарю тебя за заботу. Но к управлению землёй можно привлечь и Глеба. Он тоже княжеской крови.

– Но он не мой сын! – очи Ольги сверкнули гневом. – Хозяином Руси должен быть ты, Святослав!

– Да, но он же твой ближний! – в словах сына прозвучала насмешка, – Тем более что он христианин – все дни в церкви проводит! Как же тогда «возлюби ближнего своего»? Или «любите врагов своих»?

– Но я же, люблю твоего сына Владимира. Только сын ли он тебе?

– Сын, – убеждённо сказал Святослав, – все трое, мои сыновья.

– Да тут, может быть, каждый второй – твой. Мало ли ты девок-то перепортил?

– Много ли мало – не считал. Не твоего это ума дело, мать! Кто меня может обвинить, что я испортил дочь князя, боярина, дружинника или, даже, простого смерда? Никто! А холопки? На то они и холопки! Кто их не пользовал? Родят дитё – сами свободные станут. Только куда они уйдут? Да и сыновья их дружинниками станут. Глядишь, разбогатеют, сами холопами владеть будут. А на Малушу кто посмеет даже взглянуть? Все знают, что это моя женщина! Да и сама она разве посмеет? Владимир мой сын, это точно.

– Всё равно – он внук убийцы моего мужа!

– Но древляне хотели возместить тебе потерю мужа. Они предлагали тебе своего князя в мужья. Что же ты не согласилась? Возлюбила бы врага своего.

– Согласившись, я бы потеряла власть над Киевом!

– Получается, что нельзя любить врагов своих! И ближних своих полюбить не возможно! И Бога своего! Перуну или Хорсу (*14. Перун – бог грозы и грома, Хорс – бог солнца у славян*) безразлично любят его или нет. Солнце светит для всех одинаково. И молния сверкает, и гром гремит одинаково – нравиться это кому-нибудь или нет. А твой Бог требует именно любви, а сам может сделать тебе что-то не хорошее, как Иову (*15. Иов – библейский персонаж, которого бог испытывал, насылая на него несчастья*).

– Ты читал Библию, Святослав?

– Что тебя удивляет? Книга занимательная, там войны, походы. Интересно.

– Иов Бога не предал и не хулил его, и Бог ему всё воздал!

– Я знаю. Но сначала унизил и растоптал! А вот ты наших богов предала!

– Нет! Я поверила в истинного Бога!

– Пусть так. Но если мы примем веру греков, то греки и будут нами править! – Святослав гневно сверкнул голубыми глазами. – Разве не так? Через своих священников!

Ах, как он был красив в гнев! Княгиня невольно zalюбовалась своим сыном.

– Не так, – спокойно, но твёрдо сказала Ольга. – Но многие думают так же, как и ты. Но это не так! Греческие священнослужители не вмешиваются в дела власти! Это римские священники вмешиваются! Немцы! Но, сюда в Киев, мы их не пускаем! Ты знаешь. Такое же крещение от немцев принимают твои любимые норманны и угры тоже. И древляне получили крещение от немцев. Их и дразнят немцами.

– А разве не один у греков и немцев Бог? Разве не все они рабы Распятого Мертвеца?

– Не смей так говорить о Господе! Он смертью смерть поправ!

– Извини, я не хотел тебя обидеть.

– А отличаются многим. Службой Богу отличаются. Вера-то едина. И церковь едина (*16. Раскол церквей на православную и католическую произошёл в 1054 году*). Но... Кроме вселенского собора, западная церковь подчиняется главному священнику, что в Риме сидит, Папой называется, они считают, что бог понимает только три языка: латинский, еврейский и греческий. И вмешиваются в дела княжеской власти, ибо говорят, что власть Папы должна распространяться, как на души подданных, так и на их тела!

– Ого!

– Да! А греки считают, что Бог понимает все языки, так как он их сам создал и службу ведут на местных языках! И в дела власти не вмешиваются! Ибо как сказано в Святом писании: «Отдайте Богу богово, а кесарю кесарево».

– Ну, хорошо. А князь твой, Илья Муравец, он не вмешивается во власть? Не смущайся, мать. Я не малое дитё! Я всё понимаю и не осуждаю. Только за тобой, за делами твоими, угадывается мужчина. Всё, что ты делаешь для нашей земли, наверняка его задумки?

– Задумки-то его, да не все! А дела-то мои! По ним меня знают! Не его!

– Рад за тебя! Только Моравию-то, мы потеряли! Не сумели удержать, а вера в их Бога у тебя осталась.

– И я не жалею!

– Хорошо! Но, что ты хочешь от меня? Помощи? Какой? До сих пор ты не очень-то подпускала меня к управлению землёй. Всё сама да сама.

– Потому, что ты больше любишь махать мечом, чем думать!

– Думать я, мать, тоже люблю и умею! Как я понимаю, понадобился меч.

– Ты знаешь, – помолчав, уже спокойно сказала княгиня, – почему товары из Персии и вообще с Востока в торгу у нас в Киеве такие дорогие?

– Нет.

– Потому что товар не идёт прямо в Киев. А поступает, сначала, в хазарский Итиль. Там его перекупают болгарские купцы и везут к себе в Булгар (*17. Столица Волжской Булгарии. Булгары одни из предков современных казанских татар*). Там его покупают новгородцы. И уже из Новгорода он приходит к нам. Путь длинный и кружной. Купцы жалуются. От нас путь в Булгар идёт через Десну и Оку. Но на этом пути живут вятичи. И такое творят! Если и не ограбят, то столько с каждой ладьи сдерут, что через Новгород везти дешевле будет. Надо покорить вятичей!

– Есть другой путь. По Десне на Сейм, через Великий Дон на Дон, а оттуда в Итиль.

– Есть. Но хазары его перекрыли и наших купцов не пускают. По этому пути в Хазарию везли славянских рабов. Благодаря моим усилиям прекратились войны между славянскими землями и поток рабов иссяк. Хазары обиделись. На Востоке рабы товар ходовой. Нажива, разумеется, тоже большая.

Святослав задумался. Сел на лавку у доски с шахматами со стороны белых фигур. Ольга села со стороны чёрных. Молча, мать и сын двигали шахматные фигуры.

– Для Руси путь из Киева в Булгар важен? – спросил Святослав.

– Конечно!

– Я имею в виду, что там за товар в этой самой Булгарии? Чем можно поживиться? Кроме восточных товаров, разумеется.

– Даже не знаю. Булгары от наших славян только языком отличаются, да религию арабов приняли двадцать лет назад. Думали, что их арабы от хазар защитят. Но чаянья их не сбылись. У арабов свои заботы. А так у них из товара всё, то же самое: то же зерно, меха, мёд, воск. Нам в Греки выгодней возить воск, чем рабов. Раба кормить надо, смотреть, что бы не сбежал. А воск кормить не надо и он никуда не сбежит. А добывают его там, где пчёлы, а пчёлы в лесу, то есть у вятичей и булгар. Воск всегда нужен.

Действительно воск был нужен всем и богатым и бедным. Воск – это свечи, а свечи – это свет. И церкви греческой или римской свечи были необходимы, поэтому воск и пользовался повышенным спросом. Впрочем, смерды экономили, отдавая предпочтения лучине. Но византийская империя была богата, и греки платили за воск.

– Враг врага – друг, – задумчиво сказал Святослав. – Не велика честь, вятичей покорять! Почему бы мне сначала не навести порядок у них, а потом разбить хазар. Вятичи мне в этом могут помочь. Если себя с ними умно повести.

– Умно – это как?

Святослав пожал плечами:

– Не знаю. Там разберёмся. Главное, что хазары не ожидают удара с севера.

– Хватит ли сил, сын?

– Хватит. Воланд – ярл Брэндтсен из Дании пришёл ко мне служить. Конунг Дании, христианин, его выгнал, а конунг Руси, язычник, его принял.

– И сёлами его наделил в кормление. Выгнала его, как я слышала, его жадность. Не поссорился бы он с тем ярлом из-за награбленного, жил бы в своей Дании, на берегу синего моря.

– Днепр ничуть не хуже. Зато теперь он предан мне будет! – князь двинул на шахматной доске фигурку. – Где человеку хорошо – там и его родина!

– Не думаю, что это правильно! Свою родину надо любить, оберегать и защищать!

– Что с родиной будет? Нам кто-то угрожает? – опять спросил Святослав. – Норманны наши друзья. Греки и печенеги не враги. Угличы и тиверцы наши данники, а могли стать данниками угров.

– Угров больше интересует набеги на Дунайскую Болгарию и Византию. Они ещё со времён Олега союзны нам.

– Поэтому, я думаю, их не очень расстроило, что мы забрали под себя угличей и тиверцев. Угроза исходит только из Хазарии.

– В этом ты прав, сын мой. И Свенельду прибыль от угличей и тиверцев.

– Что-то ты его не очень любишь, мать. Ну да ладно! И других ярлов, что пришли ко мне, можно уговорить сходить в Хазарию. И язычники вятичи могут мне помочь! Если дань для них будет легче, чем хазарская. Да и там, в Хазарии, ждёт хорошая добыча! Хазары уже не те, что были сто лет назад. Ослабели! Мне Свенельд рассказывал.

– Мне купцы о том говорили. Дружи с купцами, сын. Они всё знают о чужой стране, им это надо. И ещё: когда-то город Корчев, что в Тавриде был русским. Но хазары воспользовались поражением твоего отца от греков и отобрали его. Надо бы вернуть. Это богатый купеческий город.

– Верну, – просто сказал Святослав, потом хитро улыбнулся и спросил:

– Сколько ты берёшь с купцов за грамоту в Царьград?

– Две векши.

– Дружба оплачивается шкурками белок? И это называется забота о купцах?

– Казну тоже надо пополнять, сын. А разве не будет заботой, если ты пробьёшь прямую дорогу из Киева в Булгар? Не вернёшь нашим купцам Корчев, где можно будет перезимовать? Это не забота?

– Забота, – не стал спорить с матерью Святослав.

– Хорошо, что делать дальше ты знаешь, сын. Ты – мужчина! Делай, – сказала она, вставая, посмотрела на доску, двинула чёрную фигурку и сказала: – Мат.

Святослав удивлённо засмеялся:

– Это белые хазары (*18. Высшее военное сословие в Хазарском каганате*) побеждены! Наш будет Корчев и Тамартаха тоже. Она же напротив Корчева? Верно?

– Верно. Только она всегда была хазарская.

– А будет русская! – твёрдо сказал Святослав.

И вот позади сборы, они плывут к вятичам. Спали на берегу, по возможности, охотились.

В Чернигове договорились с северскими князьями о порядке и месте сбора дани и взаимопомощи в случае войны. Так же договорились и с радимичами.

Глава 4

Река Десна

Шли ничейной землёй. Шли довольно долго. По берегам тянулся сплошной лес. Правда, встречались изредка недавно оставленные жителями городки, но чьи это были селения – радимичей или уже вятичей, определить было не возможно.

Надо сказать, что в десятом веке союз племён вятичей союзом собственно не был, то есть он не управлялся единым князем, в отличие от полян, древлян или северян. Это были родственные племена, происходившие от одного общего легендарного предка по имени Вятко, как радимичи, от Радима. Таких племён было у вятичей шесть. Во главе каждого стоял князь. В обязанности, которого входило каждый год в день зимнего солнцестояния, со своей дружиной, разжигать священный огонь с помощью трения одного бревна о другое и распространять этот огонь по подвластной ему земле. И охранять эту самую землю в течение всего года. Собственно само слово «князь» первоначально и значило – «тот, кто добывает огонь».

Племя в свою очередь делилось на роды, ведущего своё происхождение от какого-нибудь мифического предка, как правило, животного, реже растения. Причём род не обязательно мог быть собственно вятичей. Он мог быть и другого славянского племени, и даже не славянского. У вятичей были роды ведущие своё происхождение от кривичей, северян, голяди, мери, эрзи. Роды делились на семьи. Семья, не в современном значении: муж, жена и дети, а в старинном. Семья была огромной. Во главе стоял всеми уважаемый, как правило, старший по возрасту, мудрый член семьи. Не обязательно мужчина, могла быть и женщина. По имени главы семьи и прозывались. Если во главе стоит Бажень, то все члены семьи становились Баженовыми, если Любава, то Любавины. Понятно, что со смертью главы, название менялось. В семью входили сыновья главы семьи, внуки, правнуки, их жёны и незамужние дочери и внучки-правнучки. Замужние женщины, естественно, покидали не только семью, но и род.

Селения славян тогда делились на обнесённые оградой – города и на не обнесенные оградой сёла – веси, где жили несколько родов или семей, если поселение было не большое.

Святослав приказал не трогать поселения, ясно, что их жители где-то не далеко, скрылись, завидев их, и земля эта, если пока и не своя, то скоро будет своей, русской.

Из устья реки Оболвы выскочила купеческая ладья. Заметили чужих. И ладья тут же ошестинилась копиями, прикрылась щитами. Ладья медленно плыла по течению.

Святослав встал в лодке вздел вверх правую руку, привлекая внимание, и крикнул:

– Я князь киевский Святослав! Ты кто?

С ладьи отвечали, не поверив:

– Откуда тут взяться киевскому князю?

Проводник Святослава сказал князю:

– Это, по-моему, ладья Поздняя Кокоря.

– Тогда крикни ему.

– Поздней! Это я, Буня.

– Буня?! – из-за щитов на носу ладьи высунулось бородатое лицо – Точно, Буня! Ты с кем?

– Я с князем киевским Святославом! Ты откуда?

– От вятичей, с Оки!

– Поздней! – крикнул Святослав. – К берегу подгребай! Сойди! Поговорим! Своих не грабим! Клянусь Велесом! **(19. У славян бог скота и богатства)** Мы как раз на Оку.

Князь со своими воеводами и Буней встретились с Позднеем.

Берега поросли густым лесом. Еле нашли поляну.

– Какие же тут дебри! – сказал Святослав. – Стена, а не лес.

Купец пожал плечами, держался он независимо. Расселись полукругом прямо на земле. Выглядело это, весьма живописно. И дело было не в одежде, она была у всех более или менее одинаковой, походной, а было видно, что встретилось два народа. Хотя цвет волос и глаз был похож – у скандинавов и Руси волосы светло-русые, у славян просто русые, глаза у первых голубые или синие, носы курносые, у вторых глаза зелёные и серые, носы длинные с горбинкой и чуть приподнятые у кончика. Исключением был Воланд – рыжий и внешне напоминал зубра. И ещё Ари: имя его означает орёл, но на орла он внешне похож не был, а был похож больше на жердь – длинный и худой. Остальные ничем не выделялись. Внешне, однако, было видно, что все они – сильные телом и духом мужчины.

– Рассказывай, Поздней, – начал Святослав. – Где был? Зачем ходил.

– За мехами. Далеко на север забрался. Там в Оку река впадает, Москва называется. А в неё другая впадает. Яуза называется. Там и зимовал. На Яузе городок вятичей, а впереди на Москве, если идти против течения, справа на холме среди соснового бора городок меря стоит. А я между ними остановился. Соболя там богато! Вот на него свой товар и менял. И другими мехами тоже не брезговал.

– Какой товар?

– А тебе, князь, зачем?

– Прости, княже, – сказал Буня, – у купцов болтать не принято, какой товар на мену возишь.

Святослав засмеялся, хлопнул купца по плечу:

– Извини, Поздней! Не знал, что торговля так на войну похожа! Мы тоже не говорим, сколько у нас воинов. Да, ярлы?

– Что тут удивительного, – сказал Сумарл Исландец, – мы викинги и воюем и торгуем, смотря, что выгодно. Разве ты не знаешь, Свен?

Викинги называли Святослава Свен, по первой половине его имени. Да и появился он перед датскими викингами со стороны Швеции, а свен и означает швед.

– Откуда ему знать, Сумарл-ярл, – ответил за Святослава Воланд, – конунг Руси больше войной интересуется.

– Всё правильно, друг Воланд, – сказал Халлдор-ярл Стейсен, – каждый любит делать то, что лучше получается. У Свена-конунга хорошо получается воевать, а вот торговать и бегать от противника у него получается плохо. Когда мы с ним бежали из-под города Ростока от ободритов, он так и норовил повернуть свои два дракара на восемь вражеских. Они бы нас побиили! Ободриты не франки, они драться умеют!

– Торговать не пробовал, – сказал Святослав, – а бегать, это правда, не люблю. Так, что Поздней? Расскажи о земле вятичей. Говорят там порядка нет?

– Порядка нет. Князей уж очень много. И каждый норовит с проезжего купца что-нибудь содрать. Торговать не выгодно и рискованно. Мимо их градов надо ночью проскакивать, а вёсла тряпками обматывать, чтобы плеска не было слышно. И убить могут, и ограбить могут. Жаловаться некому. Набольшего князя у них нет.

– Ага, – сказал Святослав, – а самого сильного князя ты их знаешь?

– Знаю. И Буня знает, – ответил Поздней. – Это князь Вышеслав. Город его на Угре стоит, там, где река Ресса в неё впадает. За Рессой. Мимо не пройдёте. Князь богатый. И лошади у него есть. И зерна много. За зерном к нему и наши купцы, и печенеги приезжают. У него дружина конная. Даже пашут на лошадях. Этих вятичей мы, купцы называем угричи, да и они стали себя так называть. А всего князей у вятичей шесть.

– Что же он всех князей вятичей под свою руку не подведёт? – спросил Святослав.

– Это ты не у меня князь спрашивай, – ответил Поздней. – Может быть, смелости не хватает, а может быть силы. Хотя его земля это весь южный берег Угры и западный берег Оки до Жиздры, и северный берег Жиздры. Южнее там другой князь сидит. Тоже не из бедных. Этих

вятичей называют жиздричи или верховичи, потому что в верховьях Оки сидят. На Оку можно попасть не только через Угру, но и по Сейму и Свапе. За зерном купцы из Киева чаще так ходят. А с другой стороны, по левому берегу Угры, если по ней спускаться, живут люди чужого языка именем голядь. Люди не мирные. Вот князю Вышко только и успевай поворачиваться. Думаю, что всё же князю Вышко сил не хватает. Он может быть рад стать князем всех вятичей, да силёнок маловато.

– Да? – задумчиво сказал Святослав. Он упруго встал с земли и направился к берегу реки, стал бродить у воды, подбирал плоские камешки и бросал так, что бы они отскакивали от воды и мчались к другому берегу. В детстве он так бросал камешки в Ильмень-озеро, а в юности в Днепр, но Днепр огромен, камешки до другого берега не долетят, а здесь Десна совсем не большая – долетают. За этим детским занятием к нему пришло решение. Мысль, пришедшая в его голову ещё в Киеве, здесь на Десне приняла вполне ясные очертания.

То, что у вятичей не было единого князя, Святослава сначала огорчило. Гораздо проще разбить одного князя, и всё племя в твоём подчинении. Но придётся оставлять своих людей, что бы они следили за покорёнными. И лишиться части войска. А с другой стороны, побеждённый враг другом не будет никогда. Если помочь одному князю встать во главе вятичей, то он будет благодарен. Власть князя вятичей будет держаться на копьях князя Руси. А так же получится, что именно он, князь вятичей, привёл своих соплеменников под руку киевского князя, и спрашиваться будет с него, если среди вятичей найдутся недовольные. Хотя какая им разница, кому платить дань – Хазарии или Руси? А его войско не только будет всё цело, но и пополнится охотниками идти на хазар из вятичей.

– А что? – весело сказал Святослав. – Мне князь Вышко нравится. Надо ему помочь. Я так говорю, братья?

– Помочь? – удивился Воланд-ярл. – А разве мы не завоёвывать вятичей идём? По-моему мы идём захватывать их землю.

– Нет, – ответил Святослав, – мы идём подчинять их Киеву. Что бы с овцы состричь шерсть – шкуру снимать не обязательно.

– А как же добыча? – недоумевал Воланд-ярл.

– Да, да, – загалдели ярлы, – как же добыча?

– Тебе, Свен, – продолжил Воланд, – достаётся земля, с которой ты будешь стричь дань ежегодно. А что достанется бедным пахарям моря?

Ярлы закивали головами в знак согласия.

– Тебе, Воланд-ярл Брэндтсен, уже даны земли! И ты есть боярин киевский!

– Я – да! А остальные? – спросил Воланд и продолжил: – Да и я, Свен-конунг Ингварьсен, тоже от добычи не откажусь.

– Воланд-ярл прав, Свен, – сказал Сумарл, – что мы будем лазать по этим рекам просто так? Добычи не будет, даже девок пощупать нельзя будет, что бы местных не обидеть.

– Ты уже почти старик, Сумарл-ярл, – сказал Воланд, – а всё туда же – «девок!».

– А тебе, что уже не надо, – парировал Сумарл.

– Я не такой привередливый, Сумарл-ярл, я и бабами удовлетворюсь.

Ярлы заржали над шуткой Воланда, купцы улыбались, не понимая чужую речь.

– Ну, посмеялись, и хватит, – сказал Святослав. – Без добычи никто не останется. Вы меня знаете. Будем делить хазарскую добычу, ваши труды здесь будут учтены. Ничего не забуду, никого не обделю.

– Да мы и не сомневались, Свен, – сказал Сверр-ярл, – просто уточнить.

– В Киеве говорили одно, – сказал Халлдор-ярл, – здесь уже другое.

– Я и в Киеве не скрывал, что войны постараюсь избежать. Вятичи мне нужны как союзники, а не как враги за спиной.

– Вот это верно, – сказал Сумарл.

– Ну, что? – обратился Святослав к Позднею. – Приглянулся мне этот Вышеслав. Помогу ему стать князем всех вятичей.

– Я думаю, – сказал Поздней, – это как получилось. Пошёл бы ты на Оку по Сейму и Свапе тебе князь Войко, Воеслав приглянулся.

Святослав засмеялся:

– Умный, ты, купец!

– Ну а как же? Ремесло обязывает, – улыбнулся Поздней. – Вятичам выгодно отказаться от хазарской дани. Хазары требуют дань рабами. А рабы не белки, по деревьям не скачут. За них воевать надо. Все шесть племён вятичей с соседями не мирны из-за этого. Со всеми воюют: и с мерей, и с голядью, и с радимичами. И купцов могут захватить, что бы хазарам отдать.

– Рабы – товар ценный. Мы от них тоже бы не отказались. Но настаивать не будем. Меха и воск тоже не плохо.

– Дело вы с матерью хорошее затеяли. Купцы вам благодарны будут. Получиться – в ноги поклонятся.

– Пустое. Торговлей земля богатеет.

Глава 5

Река Угра

И вот Угра, самое начало. Река текла извилистая, узкая. Моноксилы то и дело тыкались, тёрлись носами о берег, продирались через кусты, свисавшие над водой. Река виляла и неохотно расширялась, идти с каждым часом становилось легче. К вечеру второго дня заметили дымок на левом берегу, на большой поляне, окружённой лесом. Святослав приказал приблизиться.

На берегу у костра сидел на корточках и жарил на прутике рыбу мужчина лет двадцати пяти с кучерявой русой бородкой, стриженные в кружок русые волосы выбивались из-под бараньей шапки. У костра лежал мешок с чем-то тяжёлым, скорее всего с бронёй, на мешке лежал круглый красный щит с белым кантом и чёрным умбоном (*20. Металлическая блях-накладка полусферической или конической формы, размещённая посередине щита, защищающая кисть руки воина от пробивающих щит ударов. Под умбоном находится ручка, за которую воин держит щит*) посередине, рядом в песок древком было воткнуто копье. К приближающимся челнам он отнёсся с полным равнодушием, продолжал заниматься своим делом.

Святослав выпрыгнул на берег, не спеша с достоинством подошёл.

– Здравствуй.

Молодой мужчина поднял на князя серые глаза, посмотрел оценивающе, встал, слегка поклонился:

– И ты, здравствуй.

И опять сел.

– Не боишься?

– Чего?

– Нас! Мы люди лихие.

– Я вижу, что лихие, только с меня взять нечего.

– Викинг всегда найдёт, что взять.

Мужчина посмотрел мрачно на Святослава, не спеша поднялся и вытащил из-за спины кривую хазарскую саблю, обоюдоострую на конце, что бы ею можно было и колоть, встал, чуть согнувшись, приготовился к бою.

– Я рабом не буду!

Святослав засмеялся:

– Это, смотря, что я предложу. Ты, парень, тоже лихой, как я погляжу. Чуть что, за саблю хватаешься. Владеть-то ей можешь?

– Могу показать, – с угрозой в голосе сказал парень.

– Конечно, покажешь, но не сейчас.

К ним стали подходить ярлы, Икмор, Фарлаф.

– Я думаю, – сказал Икмор, оглядывая большую покрытую молодой зелёной травкой поляну и не обращая никакого внимания на молодца с саблей, – что надо здесь остановиться. Солнце на закат клонит. Место здесь есть.

– Хорошо, – одобрил Святослав.

И Икмор пошёл давать указания на стоянку.

А Святослав кивнул на молодого воина и сказал остальным:

– Рабом у меня не хочет быть.

– Зря, – сказал Фарлаф и усмехнулся в бороду, – у него раб есть, – кивнул на князя, – Добрыней зовут, так он одевается лучше князя. Иноземцы путают.

Все засмеялись, а молодец смутился.

- Так ты князь? – спросил он несколько удивлённо.
- Я князь киевский Святослав! – гордо сказал, чуть улыбаясь. – А ты кто?
- Человек, – пожал плечами молодец и закинул саблю за спину. – Мать Собиной (21. *Это имя означает – мой родной, мой собственный*) звала, а люди нынче Волком кличут.
- Ооо! Волк! Какое имя! – сказал князь – Ты вятич?
- Да.
- Князя Вышеслава?
- Уже нет.
- А что так?
- Я его дружинника убил.
- Убил или победил в честном поединке? – полюбопытствовал Воланд-ярл, его всегда интересовали юридические тонкости.
- Убил в честном поединке. Можно и так сказать. Он на меня напал, я защищался.
- Это убийством не считается, – веско сказал ярл. – Князь у вас какой-то обидчивый? Два мужчины могут поссориться. И одному может не повести. Обычная история. С кем не бывает?
- Да, – сказал Халлдор-ярл, – я знаю одного ярла, который поссорился с другим ярлом. И этому, другому ярлу не повезло – он умер. А у ярла, которому повезло, конунг оказался очень обидчивым. И вот теперь, выходя из своего дома, ярл видит не волны Восточного моря, а реку Днепр.
- Почайну, – поправил ярла Фарлаф.
- Это название в мой рот не помещается.
- Ярлы засмеялись, а Воланд сказал:
- Я и говорю: «С кем не бывает». А наш конунг данов вовсе не обидчивый, а просто жадный.
- А сам? – спросил Халлдор.
- А что «сам»? Тот норманн был не прав. Он захотел больше добычи, под тем предлогом, что он первый ворвался в тот монастырь. А я, между прочим, стал первым его осаждать. Это моя идея была пожить в монастыре. Норманнский ярл просто предложил помощь, я согласился. Но зачем же нагнать? Бери, что дают! Всё было по справедливости.
- А, – махнул рукой, смеясь, сказал Сумарл, – все они даны жадные, не то, что мы – норманны! Я прав, Сверр-ярл.
- Конечно, – сказал Сверр-ярл.
- И мы, свеи, щедрые, – улыбаясь, сказал Халлдор-ярл, – я прав, Ари?
- Да, – откликнулся самый молодой участник похода.
- Да ну вас, – обиделся Воланд. – Всё было по-честному. И бой был честный. Это признала даже дружина того ярла. И часть её пошла со мной. И многие из них здесь.
- Кто жив остался.
- Не без этого, – самодовольно усмехнулся Воланд.
- А ты, Волк, за что убил дружинника? – сурово спросил Святослав парня.
- Я с его жёнкой спал, – потупился Волк.
- Ярлы одобрительно заржали, и это преступлением у них не считалось. Халлдор-ярл похлопал его по плечу и сказал:
- Какой молодец, а! Сначала бабу взял, а потом и жизнь отобрал.
- Для ярлов Волк стал уже своим.
- И князь Вышеслав на тебя разгневался? – уточнил Святослав.
- Да. Он и люди моего града меня убить хотели, но, потом решили выгнать и я ушёл. Стал изгоем.
- Ну, просто как я, – сказал Воланд-ярл.
- Или, как я, – сказал Сумарл-ярл, и все захохотали.

– Так или иначе, но он от тебя отказался? – уточнил Святослав.

– Да.

– Тогда я забираю тебя в свою дружину, – сказал Святослав. И, улыбнувшись, продолжил: – Я же говорил, что викинг всегда найдёт, что взять. Надеюсь, что ты хороший воин, а хороший воин великолепное приобретение для князя!

– Ну вот, – сказал Халлдор, – ещё один будет видеть берега Днепра!

– Ты сам-то был в дружине Вышеслава-князя? – спросил Святослав.

– Немного. Мы с отцом ушли служить к хазарам. В прошлом году подняли восстание горцы, данники хазар. Нас хазары послали их утихомирить. Но мы потерпели поражение. Отец погиб в этих горах. Хазары поражение не прощают. Убивают. Поэтому пришлось срочно уходить. Угнал коня у чёрных хазар и долго, очень долго ехал степью. Питался одними сусликами. Так я и оказался дома без семьи, почти без добычи. Дом-то пустой был. Мать-то наша ещё раньше умерла. У старших братьев и сестёр свои дома. Поэтому мы с отцом и ушли. Я-то младший самый, дом-то родителей мой.

– Это как везде, – сказал Святослав.

– Да. Ну вот, дом-то пустой. Тоска. Вот и сблудил.

– Ладно, ничего, бывает. Эта земля Вышеслава-князя?

– Нет. Считается, что народа голядь, но так, по сути, ничья. Хотя, может быть, вон из того леса – и он махнул рукой назад, указывая на лес вдаль, – они за нами наблюдают. В лес этот, князь, своих людей не пускай. Голядь племя злое и топоры умеют метать уж больно метко.

– Хорошо. Куда сам-то направлялся?

Волк опять смутился, и не глядя на князя, тихо ответил:

– К киевскому князю. В дружину хотел.

– А что сробел-то? – засмеялся Святослав и все остальные подхватили смех князя. – Боги твоё желание исполнили!

– Что скажет князь Вышеслав? Вы же к нему?

– А тебе-то что, Волк? Это уже моя забота.

– Благодарю, князь – Волк снял баранью шапку и слегка поклонился и надел шапку, он явно повеселел, и во взгляде появилась дерзость.

Викинги, между тем, вытащили челны на берег, разожгли костры, закинули сети в реку, наловили рыбу.

Святослав и ярлы расселись у костра Волка, расспрашивали его о хазарах, о вятичах.

Вдруг у костров послышался шум, ропот, грозный гул. Икмор пошёл узнать, что случилось.

Оказалось, что викинги всё же направили в лес за дровами несколько человек. И вот они вернулись и рассказали, что подверглись нападению. Двоих потеряли. Кто-то кинул в них два топора, и вот два трупа. Их принесли с раскроенными черепами. Воины требовали мести.

– Ночью никто никуда не пойдёт! – рявкнул Святослав. И приказал: – Выставить караулы.

Ночь прошла спокойно. Спали все, включая вождей, под открытым небом, завернувшись в плащи и подстелив под себя шкуры. Только стража вслушивалась в тишину. Поднялись рано, ещё туман стоял над рекой, и роса не высохла на траве. Собрались у вождей.

Святослав показал на Волка и сказал:

– Этот человек вятич, но вчера стал моим дружинником. Он знает здешних людей. Пусть он скажет. А потом мы решим, что делать.

– Витязи! – начал Волк, слово викинг, славяне произносили как «витязь» – Жаль убитых! Но если мы пойдём в лес, мы потеряем ещё больше! Здесь живёт народ голядь. Это их земля. Никто не знает, где их поселения! И поэтому не ясно куда идти! Голядь не вступит в открытую схватку, а будет бить из-за кустов! Будет метать топоры, копья и стрелы! А сами останутся, не видимы, а, значить, и не уязвимы! Они всегда так ведут войну! Не надо идти в лес! Славы

никакой! Отомстить не сумеете! Но осенью, голядь придёт на торг с печенегам и купцами из Булгара и Хазарии. Торг у них там, где река Нара впадает в Оку. Вот тогда с них можно спросить за убийство двух витязей! Я сказал! А князю решать!

Святослав поднял правую руку, привлекая внимание:

– Клянусь Перуном, мы доберёмся до реки Нара и до этой голяди! А сейчас надо достойно похоронить убитых.

Викинги мрачно разошлись и занялись приготовлением к похоронам своих товарищей. В лес уже не заходили, опасаясь предательского нападения голяди. Вскоре на середине реки появилось многослойное сооружение виде плота из сухих брёвен. Верёвками с привязанными к ним камнями он удерживался на месте. Между брёвен напихали кору и мелкие ветки, сухую траву. Сверху поставили челнок и в него посадили убитых викингов. Это Волк отдал свой челнок. И всё это сооружение подожгли. Чёрный дым поднялся высоко в небо. Глядя на него, князь Святослав сказал:

– Вышеслав-князь увидел, что мы идём.

– Это так, князь, – подтвердил Волк и потрогал на груди ремень перевязи, где он носил свою саблю. – Он увидел, что мы приближаемся. То, что вы идёте, я думаю, он узнал давно.

На следующий день, после тризны по убитым, челны викингов двинулись дальше вниз по реке. Река сделалась шире, идти стало легче и быстрее: челны не описывали берега, а шли посередине, почти прямо.

К полудню следующего дня они подошли к граду князя Вышеслава.

Глава 6

Град князя Вышеслава

Чёрный дым погребального костра действительно встревожил вятичей. Князь Вышеслав послал узнать, что за дым и ему сообщили, что по реке ко граду приближается войско неизвестных людей о которых ему сообщали раньше.

И вот они появились.

Город князя Вышеслава располагался на холме треугольного мыса, образованным впадением реки Ресса в Угру и был окружён треугольником массивных, высоких, деревянных стен – градом. Град – это собственно оборонительное сооружение, состоящие из вала, рва перед валом и стены. Стен могло быть несколько. Это основная стена вокруг города, где располагались защитники. Она могла быть из вертикально вкопанных в землю брёвнх или из горизонтально положенных, как в граде Вышеслава. Град мог иметь ещё дополнительные стены перед рвом и за рвом, что в данном случае не было. Это делалось для того, что бы нападавшие, перебравшись через одну стену, сразу же попадали под обстрел из луков с основной стены. А укрыться им было бы негде.

По углам града высились башни. И у крепких ворот имелись башенки. Глубокий ров соединял две реки и через него был переброшен бревенчатый мост перед воротами града. Города за градом видно не было.

Племя Вышеслава объединяло три больших рода: род Кабана, Лося и Зайца. Зайцы, согласно легенде, вели свою родословную от гуннов.

Воины Вышеслава видели со стен, как чужие спокойно, не спеша прошли устье Рессы, причалили к берегу, высадились, облачились в боевые доспехи, построились в боевой порядок. Нападать они пока не собирались. Из их рядов вышел человек среднего роста без щита и шлема, но в кольчуге и с мечём в красных ножнах у пояса, в белой одежде. На голове его был только подшлемник. Он зашёл на мост через ров. По бокам от него тут же в брёвна моста впились две стрелы, потом ещё две и ещё, что бы было понятно, что защитники града не промахиваются в пришельца, а пугают его. Со стены прилетело лёгкое копьё и воткнулось перед ним. Он остановился, не обращая на стрелы и копьё никакого внимания, поднял вверх усатое лицо и правую руку, громко сказал:

– Я князь русов Святослав из города Киева!

– Добро! – ответили со стены града. – И что же ты хочешь, киевский князь?

– Говорить со здешним князем Вышеславом.

Один из мужчин на стене поднял руку:

– Я князь Вышеслав! Говори!

– Кому дань платите?

На стене засмеялись.

– И это всё? Ради этого ты приехал из Киева? Хазарам! Иль ты не знал!

Святослав понял, что сказал глупость и разозлился.

– Я хочу, что бы вятичи платили дань Киеву!

– Сначала договорись с хазарами!

– Я к ним и иду!

– Так ты, князь, заблудился! Хазар здесь нет. Они там! – Вышеслав махнул рукой в сторону юга. – На Итили.

– Ты хочешь, что бы я твой град раскатал по бревну и сжёг твой его? Так развеселился!

– А ты попробуй!

– Попробую, – в голосе Святослава послышалась угроза.

Князь Вышеслав решил не рисковать:

- Если у тебя мирные намерения, так давай поговорим. Я не пойму, что ты хочешь?
- Так спускайся!
- А не договоримся?
- Вернёшься назад! Слово воина! – и Святослав приложил ладонь к сердцу, подтверждая честность намерений.

Заскрипели, приоткрылись ворота и оттуда вышел князь Вышеслав. Он оказался сорокалетним мужчиной с тёмно-русой бородой с проседью, такого же роста и сложения, как и Святослав, взгляд серых глаз был умным и насмешливым. Он был в кольчуге, в островерхом шлеме восточной работы, вооружён мечём в зелёных ножнах и обут в зелёные сапоги. Киевский князь в своих черевьях на босу ногу и белых льняных штанах и такой же рубахе, выглядел гораздо беднее, невзирая на дорогую кольчугу, но за ним было две тысячи воинов. Вышеслав таким богатством не располагал – две тысячи воинов у него не было, пришлось здороваться первым, хотя он и старше по возрасту.

- Здравствуй князь русов из города Киева, – чуть поклонившись, сказал он.
- Здравствуй и ты, князь вятичей.
- Я князь только над своими родовичами. Вся земля вятичей мне не подчиняется.
- Что и плохо! Купцы жалуются, что всем князькам вашей земли платить приходится.

А хотелось бы одному.

- Мне?
- Сильному князю! Сильных князей в земле вятичей, как я слышал двое. Это Вышеслав и Воислав. Так?

- Так, добро. И ты решил помочь первому попавшемуся, то есть мне. Так?
- Так. Если сам не можешь.

– А ты сам бы смог, князь киевский? У меня дружины столько же, сколько и у князя Воислава. Мы с ним самые сильные во всей земле вятичей. У остальных моих соседей-князей дружины меньше. Но если я начну с ними воевать, то могу ослабнуть. Война вещь не предсказуемая. Воюем зимой. Всё может быть! И под лёд можно провалиться. Уже случалось. Тогда Воислав осилеет. Я его единственный сосед. И всё моё может стать его.

- А почему зимой воюете?
- Летом работать надо, – пахать, сеять и урожай собирать. К тому же дружина у меня конная, а коня в лодку не посадишь. Зимой реки замерзают и по ним ездить можно. И зимой делать особо не чего, только и воевать.
- Викинги привыкли воевать летом и без лошадей обходятся. И всех побеждают!
- Так уж и всех?
- Всех! И ты в этом убедишься. Я тебе помогу, князь, собрать землю вятичей!
- Зачем тебе это надо?
- Главное, что бы тебе это надо было.
- Я не откажусь.

Святослав усмехнулся:

– Богатый купец – богатое княжество! Купец, проводя свои ладьи сквозь землю вятичей, платит шестерым князьям. Это не выгодно. Я помогу тебе стать князем всей земли вятичей, а ты мне поможешь, я надеюсь, разбить хазар. А дань вы всё равно платите. Будите платить не хазарам, а Киеву. И не сейчас, а года через два, три. Потом сговоримся. И купцы будут платить только одному князю – тебе! И с хазар добычу возьмешь, если со мной пойдёшь. Ну что, по рукам?

Вышеслав улыбнулся и протянул руку Святославу:

- По рукам! Значит мы теперь русские данники.

Святослав пожал руку князю Вышеславу и, не выпуская руки, сказал:

– И ещё союзники. Только моим воинам нужны отступные от твоего города. Просто так викинги ничего не делают.

– Начинается! – сказал Вышеслав, освобождая свою руку, из руки Святослав. – Ладно! Давай так – я выставлю своего поединщика, а вы своего. Если ваш одолеет – будут вам отступные! А если мой – то придётся вам обойтись без отступных!

– Хорошо!

Святослав направился к своему войску и сообщил о поединке. Войны одобрительно загудели. Из их рядов самодовольно улыбаясь, вышел Икмор, понимая, что поединщиком будет он – больше не кому, он самый сильный. Но Икмор Вышеслава не смутил. Он махнул рукой и из ворот града вышел его боец, поигрывая кузнечным молотом. Это было его оружием. Гул прошёлся по войску Святослава. Такого они не видели! И сам Икмор был в изумлении. Он был не маленького роста, но воин Вышеслава был на пол головы выше его и в плечах пошире. Правда был он уже в годах, как и князь Вышеслав, ему было около сорока лет. Икмор надеялся, что он на десять лет моложе, а значить сил и выносливости у него должно быть больше.

– Это наш кузнец Святогор, – сказал Вышеслав. – Если мы союзники, то не будем биться. Просто померяемся силушкой. Если все согласны!

Все были с ним согласны – зачем проливать кровь будущих союзников?

Святогор усмехнулся, взялся за конец рукоятки молота и на вытянутой руке стал медленно опускать, приближая молот к своему лицу, пока торец молота не коснулся его губ. После так же медленно поднял молот, опустил и так три раза. Потом кинул молот Икмору. Икмор поймал молот и стал делать то же, что и Святогор до этого. Упражнение оказалась довольно таки тяжёлое, несмотря на кажущую лёгкость, и опасное – молот того и гляди грозился сорваться и раздробить лицо, но Икмор справился. Дальше они стали гнуть подковы, завязывать узлом гвозди, ломать тремя пальцами ножи. И один ни в чём не уступал другому. Зрители на стенах града и на берегу реки были в восторге. Наконец, Святогор попросил привести лошадь. Из города вывели светло-серого коня. Святогор подлез под него и поднял на своих плечах и пронёс шагов десять. Икмор хмыкнул, подлез под коня, поднял его, сделал три шага и упал на колени. Это чистая победа богатыря-вятича! На стенах орали в восторге! На берегу орали от изумления. Конь тоже был в изумлении: людей он, конечно, возил, но чтоб его!

Вожди Руси посовещались, и Святослав сказал князю Вышеславу:

– Это честная победа! Отступных не надо. Мы сами дадим, что захочешь, если ты отпустишь с нами этого богатыря. Мне этот воин нужнее, чем тебе.

– Если он сам захочет, препятствовать не буду. Что скажешь, Святогор?

Святогор залез пятернёй в бороду, поскрёб подбородок, сдвинул на затылок шапку и сказал:

– А, что? Сыновья выросли, женаты, с кузницей управятся, дочери замужем, жена померла в прошлом году. Что мне дома делать? Я бы погулял по свету.

– Добро! Гуляй! – со вздохом сказал князь Вышеслав. – И всё же ты взял отступного, князь киевский!

Святослав улыбнулся:

– Нет, сочтемся. Я в долгу не останусь. И ещё. Ты бросил, я подобрал. Твой воин Волк у меня в дружине.

– Это твоё дело. Волк воин добрый, да поступил не хорошо. Люди на него злятся.

– По законам викингов – ничего страшного. И убил он твоего дружинника, как он говорит, в честном поединке. Разве его меч позволил бы ему убить невинного? Значить ваш воин был в чём-то виноват перед богами! Слова и дела воина должны быть такими же прямыми и твёрдыми как его меч!

– Это так. Баран Ляпа пал в честном бою. Только у Волка в руке была гибкая кривая сабля. Но, если говорить правду, то со своей женой Жданой Ляпа жил не очень что б по добру.

Не любя она ему была, бил он её. А родня её далеко, заступиться не кому. Но как бы они не жили, а мужу она должна быть верной. А Волку на чужое не зариться. Не по нашему обычаю это. Добро б вдова была.

– Уже вдова. К тому же он не корову увёл. Женщина это дело такое ... Зацепила она его, должно быть. Охота пуще неволи. А Баран мог бы, и отдать ему свою бабу. Другую нашёл бы.

Святослав говорил, а сам думал, что свою Малышу он бы никому не отдал. Жену отдал бы, наверное. Не любя она ему. Хотя как тут своё отдашь? Даже и не нужное. Советовать легко!

Князь Вышеслав всё понял, жизнь прожил долгую в отличие от Святослава. Он усмехнулся в бороду и продолжил:

– Ляпины многочисленны, как все семьи из рода Кабана, горласты и драчливы. Баран напал на него с мечом в руках, – сказал Вышеслав. – Собина, его так тогда звали, защищаясь, убил его. Оба не правы. Собину убить хотели, но братья его за него заступились. Тогда решили изгнать его. Сказали: «Собина умер! Кто ты?» Он сказал: «Волк». «Волку не место у нас!» И он стал изгоем. Здесь живут три рода: род кабана, род лося и мой род, род зайца. Кабан, лось и заяц волку враги! Собина из рода лося, а Баран из рода кабана. Волк не должен был сюда приходить. Но раз он твой дружинник ... – князь вятичей помолчал, а потом нахмурил брови и спросил: – Тут люди твои баловать не будут?

– Нет. Мы же с тобой не ратны. Даже если кто перо от курицы возьмёт – будет наказан. Набьём ему за пазуху камни и песок и в воду кинем. Но женщинам лучше всё же на глаза не показываться. Мало ли что! Воинов просто так мне терять бы не хотелось.

Войско Святослава снимала с себя доспехи, разбредалась по берегу.

Святослав сказал Волку, что бы тот всегда был за его спиной.

– Зачем это? – не понял Волк.

– Да мало ли зачем ты мне понадобишься. В рог дуть умеешь? Нет? Научу.

Князь Вышеслав приказал забить пару быков и несколько баранов, зажарить их и угостить гостей.

Воины Вышеслава разожгли костры между градом и рекой, и расселись у них, огораживая своих от войска Святослава.

Из города стали выходить вятичи и возвращаться в свои дома на берегу речки Ресса.

Вдоль южного, правого берега Рессы, сразу же от стен града, тянулись огороды, а перед огородами дома вятичей, что не поместились в городе, посад, другими словами.

Волк маялся на берегу, теребил ремень перевязи. Он уже чужой у своих – изгой, и ещё не свой в дружине Святослава. Очень хотелось заглянуть в свой дом, но не решался, нет у него права туда заходить. Потом решил, что его сородичи сделают вид, что его не заметили, раз за ним такое войско, и направился в обход, стараясь не привлекать к себе внимание, к своему дому.

В доме пахло растопленной печкой. Жужжала одинокая муха. В красном углу на лавке у стола сидела дочь Жданы, Дарёна, и играла чурочками. По столу ходила ручная сорока и смотрела чёрным любопытным глазом, то одним, то другим на чурочки Дарёны. Сама Ждана гремела горшками в большухиной половине (*22. Угол в доме напротив чела печи, куда мужнина, в то числе и мальчик, не имел права входить*) и не сразу услышала, что кто-то вошёл. Он оглядел своё оставленное жилище – лавки по стенам, стол, скамейка, печь, полати над головой. Горько стало. Ждана услышала его, выглянула из-за печи, охнула, прислонила к стене ухват и кинулась к Волку. Дарёна с любопытством смотрела на них из своего угла.

– Тебе же сюда нельзя, – ласкала Ждана своего милого.

– Ты как здесь?

– Выгнали, – просто сказала Ждана. – Я чувствовала, что ты с чужими придёшь.

– Я и сам теперь чужой.

Он посмотрел на дочь Жданы, которая опять занялась своими чурками. Чем-то она напоминала мать Волка. Проследив его взгляд, Ждана сказала:

– Может и твоя. Я не знаю.

Когда он увидел её впервые на свадьбе Барана всё в нём перевернулось, места себе не находил, мучился. Старался не встречаться с ней. Она жила на одном конце посада, он на другом. Встретится не возможно, и, всё равно, встречались. Их просто тянуло друг к другу. Он видел, что тоже ей нравится и от этого становилось ещё больней. Однажды уже зимой затащил её на чей-то сеновал, задрал подол, хотел сделать всё грубо, что бы хотя бы она его возненавидела. Получилось всё наоборот. Она как будто его ждала, успокоила, ласкала, а он ей неволей отвечал, и всё прошло просто прекрасно. Потом людям в глаза смотреть было стыдно, думалось, что все всё знают. Но и забыть было не возможно. Было ещё несколько встреч. Понимали, что делать так нельзя, что это не по обычаю, но ничего с собой поделывать не могли. В эту же зиму Волк, а тогда ещё Собина, потерял мать. Ждана уже беременная была, не понятно от кого. Весной он с отцом ушёл к хазарам. Думал забыть её. И всё равно ничего не забылось. Встреча была бурная, и, судя по всему, не осторожная. Баран Ляпа всё проведаль и напал на него и был убит. А он, Волк, стал изгоем, чужим в своём граде и в своём доме.

– Что делать думаешь? – спросила Ждана.

– Не ведаю. Я в дружине у киевского князя. На войну пойдём с хазарами.

– Меня возмёмшь?

– Куда? На войну?

– Да.

– Да ты что! Это мы с тобой точно долго не проживём! Нет! Вот устроюсь в Киеве, тогда и тебя отсюда заберу.

– А мне опять тебя ждать, мучатся?

– Что ж тут сделаешь? Доля такая.

Тут послышался шум в сенях и в дверь медведями ввалились два старших брата Волка – Вешняк и Третьяк. Увидели брата, заулыбались в бороды. Обнялись. Было ещё две сестры, но они далеко, замужем, в другом роду. Волк был пятый, последний ребёнок в семье.

– Знал, что сюда придёшь, – хлопая брата по спине, сказал Вешняк.

Третьяк улыбался у двери. Волк подошёл и обнял его. Расселись на лавке.

– Злы на вас люди, – сказал Вешняк.

– Это понятно. Вы Ждану не оставьте, трудно ей одной будет, – попросил Волк.

– Не оставьте ... Натворил дел. А сам, значить на хазар?

– С киевским князем.

– Так мы тоже, может, пойдём!

– Все трое? А если все трое и погибнем? Корень отца нашего изведётся! Думаю, Треню надо оставить.

– Для вятичей тебя уже нет, ты умер. А если думать о смерти, зачем тогда идти?

– Всякое может быть! На войне, случается и убивают.

– Да? Если так, то Треню оставим, – согласился Вешняк.

Тут со двора послышался грубый голос:

– Собина! Выползай, гад, мы тебя убивать будем!

Волк посмотрел на всю сжавшуюся Ждану:

– Было б кому убивать! Не бойся!

– Братья Барана не малые дети, брат, – сказал Вешняк, – поостерегся бы.

– Да, – сказал Третьяк. – Бык вряд ли один.

– Справлюсь, – сказал Волк и направился к выходу, за ним пошли его братья, Ждана с дочерью осталась в доме.

Во дворе ждали Бык и Боров, братья убитого Барана. У одного в руках была рогатина, у другого тятка.

– Далеко ли собрались? – весело спросил Волк. – С тяткой-то? Должно на огород!

– Тебя убивать! – сказал Бык с угрозой в голосе и махнул рогатиной, шутить он явно был не намерен.

– Тяткой? – спросил Волк не доверчиво, потрогал рукоять сабли за правом плечом. – С тяткой бабы на огород ходят.

– Бабы? – взревел Боров. – Вот тятну тебя по голове, будешь знать!

Что тятка против сабли, что рогатина, по оружию они были равны – те же копы против меча или сабли, даже с небольшим превосходством. Но у Волка за плечами был опыт, всё-таки он был наёмником у хазар и чему-то научился. У братьев Барана такого опыта не было. Опытные воины нападают сразу без лишних разговоров. Его бы ударили, ещё тогда, когда он выходил, нагнув голову, из двери дома. Убить этих двух для Волка труда бы не составило, но, пусть не ему, но его братьям здесь жить и, ещё, Ждане. Зачем осложнять им жизнь?

Волк метнулся к плетню, выдернул оттуда кол. Дальше всё произошло с такой скоростью, что Вешняк и Третьяк не успели и рта раскрыть, как Бык уже лежал на земле, обхватив голову руками, а Боров катался по той же земле, зажимая живот, тятка ему не помогла.

– Вот так вот и на войне! – весело сказал Волк своим братьям. – А как вы хотели? Ничего отойдут!

Он забежал в дом, простился со Жданой, пообещал заглянуть к ней ближе к ночи, потом вышел, махнул рукой растерянными братьям и огородами направился к войску Святослава.

А к Ждане он приходил, и в эту ночь и в следующие ночи.

В тереме Вышеслава собрались лучшие (вятские) люди его земли и его старший сын Зима.

– Так чем же ярмо русское лучше ярма хазарского? – спросил князя Любомудр, самый старый и самый мудрый из них. Любомудр – это его не первоначальное имя. Как звала его мама в детстве, никто не помнил, старцу было лет шестьдесят.

– Наши соседи – кривичи и северяне, – ответил Вышеслав, – не жалуются. Русь, думаю, не заставляет ходить войной на соседей, что бы заплатить дань живым товаром, как требуют это хазары.

– Это уже добро, – согласились все.

– Они пока вообще ничего не требуют.

– Пока!

– Да! Они просят помочь им в борьбе с хазарами. За это они помогут нам подвести остальные земли вятичей под нашу руку. Как было в старь!

– Да, когда-то земля вятичей была едина, – согласился Любомудр.

– А единство нашей земли разве не выгодно нам? – спросил Зима. – Нам всем!

На княжича посмотрели с не одобрением: «Куда этот глаздырь (23. *Птенец*) лезет?»

– Выгодно, – согласился с ним Любомудр. – Особенно нам.

Все закивали головами в знак одобрения.

– Объединим землю, от хазар привезём добычу, коней, – продолжил князь Вышеслав. – Дружину увеличим. Пока Святослав ничего от нас не хочет, кроме помощи. А там, куда его занесёт после хазар – неизвестно. И будем ли мы платить дань Киеву или не будем – там поглядим! За единство можно пообещать и дань! Не такие уж мы маленькие, не такие мы уж и слабые, если нас вместе собрать!

– А собирать будем нурманскими руками? – спросил один из бояр Вышеслава. – Или нас на стены градов вятичей погонят?

– Мы не бараны, – хмуро сказал Вышеслав, – что бы нас куда-то гнать!

– А вот об этом думать крепко надо! – сказал Любомудр.

Долго ещё думали и решали так и этак старейшины земли князя Вышеслава и пришли к решению – помочь киевскому князю.

В стане Святослава были другие разговоры. У костра Святослава сошлись вожди руси и скандинавов.

– Сгонять вятичей под руку князя Вышеслава мы будем или он сам справится? – спросил Святослава Воланд.

– Если он сам справиться, зачем мы ему нужны? – ответил киевский князь.

– Тебе самому это надо, Свен?

– Мне – нет. Но я князь киевский! А это надо Киеву, Руси. Проще иметь дело с одним князем, чем с шестью. Купец Поздней помнишь, что сказал? Шесть князей здесь. Мы одному поможем, он один и останется. Да и помощь вятичей против хазар не повредит.

– И уменьшит добычу! – резонно сказал Воланд.

– А если хазары тебя уменьшат на голову? – спросил Воланда Фарлаф.

– Значить я попаду в Валгаллу (**24. В скандинавской мифологии – небесный чертог для павших в бою, рай для доблестных воинов**) раньше вас.

– Ты туда так торопишься? – спросил Сумарл.

– Нет. Но если умирать, так с мечом в руке, в битве.

– Согласен, – сказал Сумарл. – Но умереть с мечом в руке можно и в двадцать лет и в восемьдесят.

– Лучше в восемьдесят, – согласился Воланд.

– Ну, вот. А ты не хочешь ополчения вятичей, – сказал Святослав.

И все согласились, что лишние войны не помешают и для этого можно поработать на князя Вышеслава, не бескорыстно, разумеется.

Проговорили так до полуночи, потом разошлись спать.

Глава 7

Князь Вышеслав

Святослав лёг у костра, завернувшись в красный плащ. Лежал на земле и чувствовал, что его качает из стороны в сторону, как будто, он лежит в лодке. Под это покачивание он и заснул.

Проснулся от лёгкого прикосновения. Перед ним стоял князь Вышеслав.

– Поднимайся, князь, нам далеко ехать надо. Чёлн нас ждёт.

Святослав хотел было разбудить Волка, что спал рядом, но Вышеслав жестом руки остановил его:

– Не надо.

Было раннее утро, солнце только поднималось, на реке Угре стоял туман. Они пошли к тому месту, где Ресса впадала в Угру. Там их ждал чёлн.

Святославу было удивительно, что он в челне и не гребёт. Но у вятичей, видно, были свои порядки. Он молча сидел рядом с князем вятичей, и смотрел по сторонам. Река петляла между лесистых берегов. Мимо проплывали огромные сосны, мохнатые столетние ели, вётлы полоскали свои ветви в воде.

Зеленела свежая трава – был месяц травень (25. Май).

Вечно молодая богиня Весна-Леля ходила по лесам и лугам вятичей и её приветствовали птицы своим весёлым гомоном, а зелень буйным ростом и цветами.

Ещё в своих походах на север, Святославу нравилась, когда из-за горизонта на море появлялась тоненькая полоска земли. И по мере приближения, в ней угадывались леса, поля, селения и города. Особенно ему нравились горы. Правда он видел их только один раз и издалека.

Если на Десне, особенно в начале, ещё степь время от времени выбегала к берегу, то чем дальше на север, по берегам Десны, Угры и Рессы леса становились всё гуще и гуще. О горизонте не было и речи в этой сплошной стене леса. И только небо голубое или серое проглядывало сквозь зубцы елей.

« Да, летом, – думал Святослав, – здесь не только на лошадях, но пешим много не навоеуешь, в этой-то чаще!»

Слева в Рессу впадала какая-то речонка, река сделала ещё одну петлю на юг. И на середине этой петли чёлн пристал к берегу.

На холме высились стены из стоймя поставленных, плотно пригнанных друг к другу брёвен с заострёнными концами, обнесённые рвом и валом. За кругом стен угадывалось строение. «Капище (26. *Пространство языческого храма, расположенное за алтарём, и предназначенное для установки капей (статуй, изображающих богов)* вятичей» – догадался Святослав. С южной стороны находились ворота, у которых и остановились два князя. Слуги принесли короба с зерном и вручили князьям, а сами встали сзади с такими же коробами в руках. Ворота открылись сами собой. Их, явно ждали. Через ров перекинута не так, что бы толстое бревно. Святославу подумалось, что если кто в себе не уверен, обязательно упадёт. И жрецы скажут, что боги его не приняли.

Вышеслав уверенно вступил на бревно и пошёл, как по земле. Святослав последовал за ним.

За стеной по кругу стояли идолы богов, вырезанные из дерева, а посередине находился прекрасный храм-терем, где был алтарь главного бога. Храм стоял на двух столбах, изображающих птичьи ноги.

Птицы не принадлежат земле, они принадлежат небу!

И светлые боги славян не принадлежат земле, они принадлежат небу, поэтому и храмы их строят на птичьих ногах.

Князья стали по очереди обходить идолов по ходу солнца, принося жертвоприношения и прося у богов удачи. Больше всего даров положили на алтарь главного бога. К удивлению Святослава это был Велес. Почему Велес – бог скота и богатства? Этот вопрос Святослав решил отложить на потом.

Вышли из капища, так же как и пришли.

У реки их ждало приготовленное кострище, небольшой железный котёл, топор и деревянные чурки. Чурки надо было ещё наколоть на дрова. Что князья и сделали – половину наколоть один, половину другой. Вместе они наполнили котёл водой, вместе сложили дрова на костёр, вместе высекли огонь и подожгли с двух сторон. Повесили котелок над костром. Вместе насыпали крупу, заварили кашу, посолили, потом заправили кашу молоком и конопляным маслом. Сваренную кашу поставили на берегу реки, достали ложки и молча, начали есть.

Это был древний священный ритуал. В заваривании каши участвовали все стихии: огонь, вода, а крупа олицетворяла землю. Кашу ели у воды. У воды нельзя врать и держать в голове плохие мысли, вода не простит, утопит.

Между князьями был заключён союз. Осталось согласовать свои действия.

Святослав разговор начал издалека:

– Почему у вас, вятичей, главный бог Велес, а не Перун?

– Потому, что мы живём землёй, а не войной. Мы пахари лесных полей, а не воины. Воюем мы больше по необходимости. Нас кормит поле, лес, река.

Вышеслав подумал, усмехнулся в бороду и добавил:

– Ну и купцы тоже. Хазары принуждают нас платить дань мехами и рабами. И больше рабов требуют, чем меха. Поэтому и воюем. Зимой наши грады и веси без мужиков стоят: кто на войне, а кто на охоте. Потому, что если мы хазарам не дадим рабов, этими рабами станем мы. Русь чем дань собирать будет?

– Чем обычно. Зерно, мёд, воск и меха тоже. От рабов не откажемся, но настаивать не будем. Рабы не самый лучший товар, если его в греки продавать. Воск, мёд и меха – лучше. Они никуда не убегут и пить-есть не просят.

– И на том благодарны будем.

– А когда земля вятичей будет едина и купцов будет больше, вы богаче будете. Как я понимаю, дань рабами вам не нравится.

– За неё собственными головами платим!

– Со мной-то пойдёте?

– Пойдём.

– И добыча, взятая с хазар, не повредит.

– Не повредит, если голова уцелеет.

– А что бы ей не уцелеть? Думаешь, не совладаем с хазарами?

Вышеслав усмехнулся:

– Что такое хазары? Собственно хазары народ мирный. Сидят себе по Тереку и Итилю, рыбу ловят, да виноград выращивают. Это ягода такая.

– Я знаю.

– Так вот. Они не воины и воевать не будут.

– Не понял.

– Когда-то давно, очень давно! На хазар напали враги с юга, из-за гор. Храбро сражались хазары, но терпели поражение от врагов. Им помогли горцы, которые когда-то дано сами бежали от этих врагов. Звали этих горцев жида (27. *Горские евреи. В некоторых языках звук ю переходит в звук ж. Отсюда юд – жд.*), или как-то так. За эту помощь жида и стали господами у хазар.

После этих слов, Вышеслав прищурился и посмотрел внимательно на киевского князя.

– И что? – спросил Святослав и в упор посмотрел в глаза вятича.

Вышеслав отвёл глаза:

– Ничего. Только не сумели они справиться с врагами. Пришлось просить степняков. Вот они-то и помогли разбить врагов хазар. И стали степняки каганами хазар. Но хитрые жиды сделали так, что у кагана нет власти, а только почёт. Управляет страной шад – соправитель кагана, управляет от его имени. А все думают, что управляет страной каган.

– И к чему ты мне всё это говоришь, князь?

– К тому, что драться придётся со степняками.

Святослав засмеялся, щуря глаза:

– Я и не думал, что они в лесу живут.

Святослав помолчал, а потом добавил:

– Я знаю, что есть белые и чёрные хазары. Чёрные, которые победней, белые, которые побогаче.

– Это правда. Чёрные живут на юге у гор, на земле, где больше песка, чем травы. А белые между Итилем и Доном, где травы много, а значить много скота.

– Я рад за них, – безразличным тоном сказал Святослав, – и, всё же, не пойму, куда ты клонишь?

– К войне. Как ты воевать с ними будешь, князь?

– Конница не может справиться с пехотой, если та не бежит.

– Это правда. Но конница хазар не полезет на пролом. Она наскочит, обсыплет стрелами, отскочит. И так раз за разом, пока ты не устанешь стоять под стрелами и не побежишь. А догонять тебя, и добивать будет уже другая, тяжёлая конница, которая в битве не участвовала, свежая. Будет тебя колоть копьями и рубить саблями.

– И это будут белые хазары?

– Да! А за ними пойдут пешцы, добивать тяжело раненных и брать в плен остальных.

– Да? – насмешливо произнёс Святослав.

– Да. И есть ещё лариссии, личная охрана кагана. На великолепных конях, прекрасно вооружённых. Спроси у Волка, он их видел! Пять тысяч воинов! Лучшие из лучших!

– Так уж и пять? – не поверил Святослав.

– Ладно, добро – пятьсот. Тебе от этого легче?

– Легче. Рука не так устанет рубить их.

– Зря смеёшься, князь киевский. Лариссиям есть, что терять. Их предки поколениями служили хазарам, хазары им всё позволяли, как сыр в масле катались. А ты хочешь лишить их всего этого.

– Ты меня пугаешь, князь вятичей?

– Нет. Я пытаюсь заставить тебя думать – как ты их будешь бить?

– Так же, как и других.

– Ты когда-нибудь воевал со степняками?

– Нет.

– Вот! Я тебе и объясняю: не будут они с тобой драться лицом к лицу. Стрелами издалека обстреляют и всё! Сделают тебя похожим на ёжика.

– Это как-то не честно. Один на один, с мечом и копьём я сумею победить всадника! Как и любой из моих.

– Не сомневаюсь. Но для хазар главное, это одержать победу! А честно или не честно, это ты будешь на небе со своими предками рассуждать. А они на земле пировать будут, праздновать победу над тобой.

– Не будут! – в голосе Святослава послышалось упрямство и угроза.

– Вот! – довольно сказал Вышеслав. – И как это сделать?

– Надо что-то придумать, что бы они дрались, как и мы.

– Это правильно. Прежде, чем что-нибудь придумать, надо подружиться с печенегами. Они тоже степняки и знают, как воевать в степи. И к тому же они кровные враги белых хазар.

Святослав задумался, помолчал, потом спросил недоверчиво:

– И как их искать в степи? С печенегами ещё мой отец был дружен.

– А что их искать? – ответил Вышеслав. – Они сами осенью на торг придут.

– И где торг?

– Там, где река Нара впадает в Оку. Там все собираются: и вятичи, и голядь, и эрзя, и печенеги.

– Голядь?

– Что, познакомился уже с ними?

– Они у меня двоих убили.

– А ты у них?

– Ни одного, – зло сказал князь киевский, и пояснил: – Топоры метнули из-за кустов.

– Вот видишь, князь, разные народы воюют по-разному. Так и хазары могут – у тебя всех побить, а ты у них не одного. С печенегами надо подружиться.

Святослав задумался. Поход на хазар становился не таким уж и лёгким, как казалось в Киеве.

– Когда приходят хазары за данью?

– Недавно ушли. Теперь в конце зимы придут. Соберут дань со всех шести племён и, как просохнет степь, погонят по свежей травке к себе в Итиль. А там продадут в неведомые страны.

– В этот раз дани у них не будет. Надо что-то придумать, что бы раньше времени в Итили про нас не узнали.

– Придумаем чего-нибудь.

Когда они вернулись, Святослав сказал ярлам:

– Кашу мы с князем Вышеславом заварили, союз заключён. Осталось решить – как действовать.

Волк подошёл к Святославу и слегка обиженно сказал:

– Что ж меня не разбудил, княже? Говорил, что б всегда за твоей спиной был.

– Вышеслав не захотел. И, кроме того, собираемся с ним союз заключать, а получается, что я ему не доверяю. Не хорошо как-то. Да и ты ночами маловато спишь, – Святослав усмехнулся в усы, – бродишь где-то.

Волк потупился.

– Не смущайся, гуляй пока мы здесь. Скоро уйдём, не скоро её увидишь. Придём в Киев, дом тебе подарю. Заберёшь её отсюда.

Волк прижал ладонь к сердцу и благодарно поклонился князю.

Глава 8

На верховичей

Под большим раскидистым дубом решили собрать военный совет. Расположили четырёхугольником брёвна вместо скамеек. В центре, под кроной дерева расположился князь Вышеслав со своими ближними, справа от него – Святослав с ярлами. Остальные вятские люди русичей и вятичей расположились справа и слева от них, замкнув четырёхугольник.

Первым, на правах хозяина, выступил князь Вышеслав.

– Соплеменники, братья! – начал свою речь Вышеслав. – К нам пришли из далека русский князь из Киева Святослав с дружиной и союзными ему витязями из-за моря. Они пришли к нам, что бы освободить от хазарской дани, которую мы платим в основном живым товаром. А добывая его, мы платим своей кровью!

Он долго и красноречиво объяснял всем то, что и так все знали. Теперь все узнали так сказать официально, как сказали бы через тысячу лет, из уст князя, зачем пришли русичи и викинги на землю вятичей, и какая от этого выгода непосредственно вятичам вообще и им, угричам в частности. В конце речи, князь сказал, что верховичи их братья и сильно бить их не стоит.

– Да, как же, братья! – встал с места старшина южного, дальнего града угричей. – Эти братья три года назад скот свели и двух девок попортили!

– Молодь озорничала, – сказал Вышеслав, – скот вернули, а девок замуж верховичам отдали. И в нашем граде в прошлом году такое было. Скот в стойле, девки – замужем.

– Скот вернули! – возразил старшина. – Когда им копытами пригрозили! Тогда и вернули. И девок так же замуж отдали.

– Мы сейчас, Чурила, не это обсуждаем.

– А что?

– А то, что негоже верховичей бить! Нам с ними вместе на хазар идти. А к битому, какое доверие? Стоять придётся плечом к плечу.

Площадь загалдела:

– Это, князь, правильно!

– Что правильно? Вспомните, лет пять назад, из степи на нас какие-то залётные напали! Не ясно, какого племени люди. Не очень-то к нам на помощь верховичи спешили!

– Ни кто не спешил! Ни с луга, ни с лесу!

– А мы к кому спешили? На нас одних, что ль только нападают?

– Не на одних! Да что тут сделаешь?

– Ты глухой? Князь, что сказал? Если на одних кто-то нападёт, соберёт один князь все дружины в один кулак и ударит! На ту же голядь. В следующий раз подумают, прежде чем лезть.

– Кто на кого лезет – они на нас или мы на них. Мы на них до не давнего времени ходили за рабами для хазарской дани.

– Ходили, пока по морде не получили. А теперь за рабами к чуди аж на Пру прёмся.

– Так у чуди князей вообще нет. А у голяди князь один!

– И нам надо всех в один кулак собирать!

– Как же, соберёшь! Все сидят по своим углам.

– Поэтому и под хазарами!

– Под русскими лучше, что ли будет?

– Может и лучше. Мы же не пробовали.

– Это, конечно, смешно, Станята! – повысил голос Вышеслав. – Но с верховичами лучше полюбовно разобраться!

– Это как?

– Послать им гонца с посланием. Всё объяснить. Может быть, они без драки к нам присоединятся.

– С чего бы это вдруг? Если бы мы к ним, они бы подумали.

Площадь шумела.

Поднялся Воланд, поднёс кулак к рыжей бороде, прокашлялся и громовым голосом, как в битве сказал:

– Я человек, конечно, не здешний, и ваших обычаев не знаю. Но, думаю, люди везде одинаковы. Ты, ярл вятичей, ещё за оружие не взялся, а уже сдаёшься.

– Как это? – не понял Вышеслав.

– Надо сначала силу свою показать, а потом условия ставить.

И Воланд показал свой огромный кулак, поросший рыжеватыми волосами.

– А этот рыжий прав!

Площадь гудела на разные голоса.

Поднимались другие ораторы, говорили разное, но, что и как делать было не понятно; трудно совместить не совместимое – и силу свою показать и противника не обидеть.

Святослав сидел, думал, тёр левой рукой голый подбородок. Потом поднял правую руку, требуя внимания.

Площадь успокоилась. Святослав заговорил:

– Вы, люди, всё правильно говорите. И ты, князь, и ты, ярл, и вы все. Бить сильно будущих союзников нельзя, обидятся, но силу им свою показать надо. Я читал в одной книге ...

По площади прошёлся одобрительно-восхищённый гул. Вятичи о книгах слышали, но никогда не видели, а викинги книги видели и, даже, их продавали, знали их ценность, но никогда не читали.

– Я читал в одной книги, что в древности, в греческой земле жил один народ, спартанцы. Они были храбры и воинственны, их боялись все тогдашние древние греки, а говорили они кратко, но веско. И нам надо поступить, так же как и они! Надо послать князю Воеславу всего два слова: «Иду на вас!» Это будет означать, что мы его не боимся, а с другой стороны даём ему время подумать, пока мы на него идём – надо ли ему с нами ратиться!

На площади одобрительно зашумели.

– Это мудро, – сказал Вышеслав.

– Вот это я называю: «Показать силу!» – сказал восхищённо Воланд-ярл.

– А чему удивляться? – сказал Сверр-ярл, – Свен-конунг у нас умный. Вон и в шахматы ты ему, ярл, постоянно проигрываешь.

– Нет, не постоянно, – возразил Воланд, – бывает, что и выигрываю.

– Вот именно, что бывает.

Так и решили и на следующее утро два гонца в лёгком челноке ушли к верховьям Оки, ко граду князя Воеслава, несли княжеские слова: «Иду на вас!» Им так же наказали ни чего не утаивать, и, если спросят, рассказать, какое войско, сколько и зачем нагрянуло на землю вятичей, и с какой целью.

А через день двинулось и всё войско.

Волк прощался со Жданой. Обнял её нежно, потом поцеловал в щёку, затем в губы, вздохнул, погладил по голове Дарёнку и сказал:

– Вы, главное, ждите.

– Князь не обманет?

– Нет. Да и я с добычей буду. Куплю избу в Киеве или построю.

– А ты-то сам меня не обманешь? А то найдёшь где-то там другую.

– Глупая ты моя, – Волк нежно обнял Ждану, – на войне разве об этом думаешь. Там не до поисков. Голову бы сохранить.

– Ой, не пугай меня.

– Чего ты боишься? Я удачливый. От хазар живым вернулся. Киевского князя нашёл. Он меня приметил, с собой рядом держит. Прославлюсь чем, не только избой наградит.

– Не хвастай, – она погладила его по кудрям, – лучше живым останься. И возвращайся. Я тебя ждать буду. Всё жизнь.

И заплакала. Волк не знал, что делать с женскими слезами, прижал Ждану к себе, поцеловал, и, не оглядываясь, вышел из избы.

Войско Святослава три дня шло до Оки. Сильно задерживали вятичи, не привычные к долгой гребли.

Первым делом принесли жертву духу Оки. Вятичей особенно поразил цвет петухов, чёрный и белый, они таких никогда не видели, местные петухи более пёстрые.

Лагерем встали на южном берегу. Решили дать день отдохнуть вятичам и заодно посовещаться.

Воланд-ярл был против того, что бы идти всем войском на град Воеслава, если он такой же маленький, как и град Вышеслава.

– Одного Ари будет достаточно, – сказал он. – Его шестьдесят воинов, это больше чем надо. Надо же ему когда-нибудь учиться брать города. Париж брали сотней воинов.

– Париж не намного больше града Вышеслава, – сказал Халлдор-ярл, – не большой городок на небольшой реке.

– Я и говорю.

– Крепость города не его стены, – сказал веско Святослав, – а воины, которые его защищают. А франки не такие уж знатные вояки. Вятичи, я думаю, гораздо крепче франков.

– Так он с вятичами Вышеслава и пойдёт. Мы же только напугать хотим, как я понял. А напугать и Ари одного хватит.

– Кто из вас Париж брал? – спросил Сверр-ярл. – Что-то я не помню такого.

– Мой отец Снор-ярл, – ответил Ари.

– А я слышал, что он только вокруг Парижа, всё ограбил, – сказал Сверр.

– Какой же дурак будет штурмовать эти стены на этом острове посреди реки, – возразил Воланд, – когда вокруг и так много добычи. Правильно сделал Снор-ярл – слава славой, а добыча лучше.

– И то, слава аж до Миклагарда (**28. Константинополь**) дошла! – воскликнул Ари.

– Но мы же не за добычей идём на град Воеслава, – сказал Святослав.

– Вот именно! – сказал Воланд. – Надо напугать! А тут придут две тысячи! Воеслав-ярл подумает: «Не иначе с испугу столько войска Свен-конунг привёл». Я думаю, Воеслав-ярл уже знает сколько нас.

– Понятное дело, гонцы сказали.

– А мы, мало того, что предупредили, что идём на него, да ещё и не все пришли! Возьмём своей руси сотню, дружину Ари, ну и сотня князя Вышеслава. И хватит с них. Триста человек – больше, чем надо.

– Двести шестьдесят, – поправил Воланда Святослав.

– Хорошо, добавь ещё сорок своих славян.

– Я читал, что триста спартанцев, тех древних греков, остановили огромную персидскую армию.

– Ну, вот видишь, какая для них честь! А вятичи, далеко не персы! Мы же лучше греков, хоть древних, хоть каких. Иначе они бы нас норманнов к себе на службу не нанимали. Верно, Сверр-ярл.

– Конечно, мы лучше, – согласился с Воландом Сверр.

– А мы здесь рыбы наловим, дичи настреляем, – продолжил Воланд. – Запасы сделаем. Надо же кому-то это делать. Что бы в походе время зря не терять, а иначе мы по этим рекам года два блуждать будем. Местное население ведь грабить нельзя?

– Нельзя. Возможные союзники.

– Вот я и говорю. А до хазар ещё грести и грести.

На следующий день триста воинов двинулись вверх по реке. По дороге встретили гонцов.

– И что верховичи? – спросил князь Вышеслав. – Что их князь?

– Ничего, – ответил старший из гонцов, – молча выслушал нас и отпустил без вреда.

– То добро, – сказал князь Вышеслав киевскому князю, – пусть думает. Человек своих мыслей боится больше, чем действительности.

– Обидится, что нас так мало на него идёт, – предположил Святослав.

Все улыбнулись шутки князя, а Вышеслав спросил:

– А это правда, что витязи малым числом города берут?

– Да, это правда.

– Обманом и подлостью?

– Нет, – возразил Святослав, – отвагой и сообразительностью. Хитрость тоже используется. Но подлости и коварства нет. С викингами можно договориться, слово они держат. Был такой случай на берегу ободритов. Отец Ари, Снор-ярл завоевал селение ободритов, всех девок и молодежь забрал. Он хотел уж было отчаливать, все уже были на драккарах, но тут на берег вышел человек и прокричал, что если освободят одну из девушек, то взамен он отдаст меч.

– И что?

– Снор-ярл согласился. Меч оказался очень хороший, девушку обменяли. Этот человек оказался кузнецом, ковать умел. Снор-ярл предложил ему что угодно, если тот даст согласие уехать к нему и сдержал бы слово, если бы кузнец согласился.

– А кузнец не согласился?

– Нет.

Глава 9

Град князя Воеслава

Через несколько дней, справа по ходу, показался град Воеслава. Он стоял на мысу при впадении речки Ёорло в Оку. Когда-то и здесь жили голядь и местность эту называли Ёорлос, что значить сенокос из-за густых сочных трав в долине реки. Вятичи оттеснили хозяев этих мест на север, а название осталось, правда, так стали называть речку. Хотя как оттеснили? Из четырёх родов верховичей два были голяди, один аварский и один собственно вятичей.

Викинги спокойно причалили к топкому зелёному берегу, вышли из лодок, смотрели на притихший град. Мычала запертая скотина, лаяли собаки.

– Похож на твой град, князь, – сказал Святослав.

Вышеслав пожал плечами:

– Все грады вятичей похожи.

– Сдаваться они явно не намеренны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.